

Китайские народные сказки

Я Р К И Е С Т Р А Н И Ц Ы

Яркие страницы. Коллекционные издания

Сказки народов мира

Китайские народные сказки

«ЭКСМО»

УДК 398.21(=581)
ББК 82.3(5Кит)-6

Сказки народов мира

Китайские народные сказки / Сказки народов мира — «Эксмо»,
— (Яркие страницы. Коллекционные издания)

ISBN 978-5-04-197738-2

В далёком прошлом, когда ещё не существовало письменности, китайцы сочинили множество замечательных сказок, в которых отобразились география и климат их родины, растительный и животный мир, психология народа, его миропонимание, обычаи, особенности быта. Наша книга познакомит вас с некоторыми из этих сказок. Среди них есть сказки о животных, где наравне с людьми персонажами выступают птицы и звери. В сборник вошли также волшебные сказки, в которых реальность тесно переплетена с вымыслом. И, наконец, вы прочтёте бытовые сказки, повествующие о жизни и нравах китайского народа.

УДК 398.21(=581)

ББК 82.3(5Кит)-6

ISBN 978-5-04-197738-2

© Сказки народов мира

© Эксмо

Содержание

Герои и сюжеты китайских сказок	6
Сказки о животных	16
О том, как по животным счет годам вести стали	16
Про сосну, черепаху и тигра[5]	19
Как горная и городская мышь друг к дружке в гости ходили[8]	21
Как собака с кошкой враждовать стали[9]	22
Благодарная тигрица[10]	25
Как тигр кап-капа испугался[11]	26
Сказка про теленка-пестренка[13]	28
Как тигр невесту украл[14]	30
Волшебные сказки	31
Птица Чжаогу[18]	31
Как юноша любимую искал[20]	35
Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е[22]	38
Жених-змея[32]	43
Мимоза[35]	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Китайские народные сказки

Перевод с китайского, вступительная статья и комментарии Бориса Рифтина

Художественное оформление Степана Костецкого

В оформлении переплета использована иллюстрация: ©kotoffei, PATTERN PAPER PRINT / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Б. Рифтин, перевод на русский язык, вступительная статья, комментарии, наследник, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Герои и сюжеты китайских сказок

Однажды китайский философ Чжу Си спросил своего ученика: откуда пошел обычай называть года по двенадцати животным и что в книгах про то сказано? Ученик, однако, ответить не смог, хотя упоминания о системе летосчисления по животным в китайских источниках встречаются с начала нашей эры.

Не знал ученик и легенды, которую рассказывали в народе. По легенде этой, записанной в приморской провинции Чжэцзян, счет годов по животным установил сам верховный владыка – Нефритовый государь. Он собрал в своем дворце зверей и выбрал двенадцать из них. Но жаркий спор разгорелся, лишь когда надо было расставить их по порядку. Всех обманула хитрая мышь, сумев доказать, что она самая большая среди зверей, даже больше вола. Сказкой «О том, как по животным счет годам вести стали»¹ и открывается наш сборник.

Найти объяснение, почему счет годам начинается с мыши, пытались не только китайцы. Еще в XI веке, за сто лет до Чжу Си, знаменитый составитель первого словаря тюркских наречий Махмуд Кашгарский записал тюркскую легенду о том, как некий царь повелел согнать к реке зверей и посмотреть, кто из них быстрее переплывет на другой берег. Первой оказалась мышь. Вслед за ней приплыли вол, барс, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака и свинья. В таком порядке-де и дали названия годам двенадцатилетнего цикла, чтобы легче было их запомнить.

В тюрко-монгольской легенде, известной бурятам и киргизам и более близкой к китайской, мышь тоже перехитрила всех зверей. Очень возможно, что весь животный цикл китайцы заимствовали у древних тюрко-монгольских племен. Только, в отличие от них, у китайцев исчисление времени по животным никогда не носило официального характера. Им пользовались гадалки, вычисляя, например, по специальным таблицам, будет ли счастливым брак, если жених родился в год Обезьяны, а невеста – в год Овцы. С животным циклом связаны и некоторые китайские поверья и обычаи: рожденный в год Петуха не должен был есть курятину.

Предположить, что весь животный цикл китайцы заимствовали у своих соседей, можно также, сопоставив древнекитайские представления о животных со средневековыми.

Как и легенда о животном цикле, другие сказки о животных, записанные у китайцев, построены на объяснении особенностей животных, происхождения их повадок или внешнего вида. В них рассказывается, почему враждуют собаки и кошки, почему краб сплюснутый или отчего гуси не едят свинины.

На смену такого рода сказкам, именуемым в науке этиологическими, приходят забавные истории о проделках зверей, хитрости и находчивости зверя малого перед зверем большим, который по сказочной логике непременно оказывается в дураках. Вспомните хотя бы нашу знаменитую Лису Патрикеевну, которая одурачивает волка, медведя и льва, или хитрого зайца – фольклорного героя африканцев и жителей Юго-Восточной Азии. У китайцев, однако, циклы сказок о хитроумных проделках зверей не сложились, поскольку развитие сказок о животных у них приостановилось, видимо, еще в древности. Во всяком случае, в каталоге китайских сказок, составленном немецким ученым В. Эберхардом в 1937 году, значится только семь сюжетов о животных. Сейчас, благодаря записям последних лет, эту цифру можно увеличить в три-четыре раза. Малочисленность сказок о животных в Китае, пожалуй, связана с чрезвычайно ранним переходом китайцев к земледелию и забвением охотничьего промысла, а также с бедностью фауны в Китае, где в густонаселенных районах нет невозделанных земель, а уж лесов и подавно.

¹ Из сб. «Цзю-цзинь гунян» («Девушка Цзю-цзинь»), собиратель Цай Лу, Пекин, 1955.

Немногие сохранившиеся у китайцев сказки о животных дошли до нас в сильно измененном виде. Как ветер веками выветривает песчаники и наносит по крупинке новую землю, так и время разрушало и меняло древнюю основу многих сюжетов. Фантастическое заменялось привычным, на смену чудесному приходило обыденное. Как изменялся сюжет, проследим хотя бы на сказке про собаку и кошку. Китайский вариант этой сказки («Как собака с кошкой враждовать стали»), помещенный в данном сборнике, уже осовременен: у бедняков пропало сокровище, его украл торговец. Собака и кошка решили помочь хозяевам и отправились на поиски. Жил торговец за рекой, а поскольку кошки не умеют плавать, собаке не только пришлось тащить кошку на себе, но и нырять за ларчиком, который та уронила в реку на обратном пути. По возвращении кошка приписала все заслуги себе. С тех пор и пошла между ними вражда.

Древнюю основу сюжета можно восстановить, если сопоставить разные его версии. Наиболее архаичный вариант записан у монголов. В монгольской сказке кот и пес похищают сокровище у самого владыки подземного царства, куда добираются через море. В древние времена считалось, что подземное царство отделено от мира людей водой. В более современном варианте, записанном у родственного китайцам народа мяо, живущего на юго-западе Китая, вместо владыки подземного царства фигурирует какой-то царь, чьи владения расположены за рекой. Китайский вариант сохраняет как бы ту же самую схему сюжета: звери переправляются за реку, где живет похититель (или владелец) сокровища. Но здесь он уже не владыка подземного царства, а простой торговец.

Широко распространены в Китае сказки о тиграх – похитителях девушек. Тигр почитался китайцами как царь зверей. К празднику начала лета в Китае специально шили обереги – мешочки или подушечки для ароматных и лекарственных трав, чаще всего им придавали форму тигра. Считалось, что тигр оберегает детей от гадов и ядоносцов, которые во множестве появляются в начале лета. Причем на лбу у игрушечного тигра непременно рисовали тушью знак «ван» – «царь». Согласно древним воззрениям, тигр, как тотемный зверь, имел право на брачные отношения с людьми «своего племени». На бронзовом сосуде конца второго тысячелетия до нашей эры, например, изображен человек в могучих объятиях тигрицы. Сюжет о тигре, который взял в жены женщину, был популярен также и в средневековой сказочной новелле. В сказках, записанных в наше время, сюжет этот уже видоизменен. Например, в сказке «Как тигр невесту украл» тигр похищает невесту из свадебного паланкина, но так и не ясно, стала ли она его женой.

* * *

Наибольшее место в сказочном репертуаре китайцев и, соответственно, в данном сборнике занимают волшебные сказки. Они распадаются на отдельные циклы: повествования о похищении невесты и о вызволении ее из иного мира, о женитьбе на чудесной жене и сказки о том, как обездоленный герой берет верх над злыми родичами.

В древнейший из этих циклов входят повествования о поисках исчезнувшей невесты²: «Как юноша любимую искал», где героиню похищает злой оборотень, и «Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е», где возлюбленную дровосека уносит Черный орел. Вспомним, что и в русских сказках невесту или жену героя часто похищают Змей, Кощей или Вихрь, которые в представлении древнего человека были связаны с потусторонним миром, и похищение ими девушки воспринималось как нарушение обычая брать жену только из своего рода или племени. Прекрасную героиню следовало отнять у похитителя, пришельца из иного мира, и

² В своем анализе китайских волшебных сказок автор следовал теоретическим работам В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского.

возвратить «своему» герою из мира людей. Поэтому еще в древности волшебные сказки такого типа сложились в основном как повествования о хождении героя в подземное царство, где с помощью волшебства он вызволяет свою невесту и благополучно возвращается с ней домой. В поздних вариантах сюжет этот значительно изменен. Путешествие героя в подземное царство замещено в сказке «Как юноша любимую искал» хождением на далекий остров посреди моря. В сказке про братьев У-гэна и Ши-е орел уносит девушку к себе в логово, в глубокую темную пещеру на высокой горе. А ведь в Средние века китайцы как раз и представляли себе ад расположенным в глубокой пещере на вершине горы. Похититель в облике орла тоже едва ли случаен. У соседних с китайцами тунгусо-маньчжурских и тюрко-монгольских народов сохранился культ орла – родоначальника шаманов, который, по народному поверью, мог вступать в связь с женщинами и был непременным сопровождаем шаманов в их странствиях по подземному миру. Сами китайцы эту могучую птицу до сих пор именуют «лаоин» – «почтенный орел».

Герою, отправившемуся на поиски невесты в подземное царство, предстоит пройти длинную цепь испытаний: встретиться с охранительницей входа в подземное царство (в русской сказке это Баба-яга), у нее вкусить ритуальной еды, переправиться через водную преграду и лишь после этого вернуться в мир людей.

Путешествие в подземное царство обычно начинается с переправы через водную преграду, которую охраняет водный змей, огромная рыба или другое чудище. Герой добывает волшебное средство, убивает чудище, затем переправляется через море или реку, причем преодолевает он водную преграду с помощью тех предметов или животных, которые связаны с погребальными обрядами, отражающими древнейшие представления о пути умершего в иной мир. Чжан Шуаню из сказки «Как юноша любимую искал» также предстоит переправиться через море на остров, где томится его возлюбленная. Но море стережет черная рыба. Чтобы убить ее, Чжан Шуаню надо добыть волшебный меч. А чтобы добыть меч, ему предстоит пройти сквозь огонь. (В первобытные времена одним из основных видов обряда посвящения юноши во взрослого мужчину было реальное или символическое испытание огнем. Причем сам обряд этот мыслился как временное нисхождение в потусторонний мир.) С волшебным мечом в руках юноше уже нетрудно убить похитителя – рыбу-оборотня и, отведав магический персик, переправиться через море. Персик, по поверьям китайцев, дарует бессмертие. Согласно мифическим сказаниям, персики росли в саду Си Ван-му – Хозяйки Запада, то есть владычицы иного мира. Еще и сейчас, если вы зайдете в китайский храм, то увидите перед табличками с именами умерших предков жертвенные плоды – сделанные из плотной бумаги персики.

В мир людей герой возвращается с помощью чудесного помощника, друга, которого он обретает в подземном царстве, оказав ему немаловажную услугу. Так, в сказке про братьев У-гэна и Ши-е герой возвращается в мир людей с помощью карпа. Случайно ли, что в китайской сказке помощником оказывается карп? Чудесный помощник как образ сказки сложился, видимо, на основе представлений первобытного человека о помощнике – тотеме рода, повелевающем стихиями. Одним из наиболее распространенных тотемов у племен, населявших территорию современного Китая и близлежащих стран, был дракон. Карп считался царем рыб, и его почитали наравне с драконом. Позднее, в IV–VI вв. н. э., когда у китайцев сложился образ царя драконов, карп стал считаться его сыном.

В древний сюжет о похищении невесты постепенно добавлялись новые элементы. В сказке про У-гэна и Ши-е, например, эти поздние черты проявляются главным образом в зачине (известно, что именно зачины сказки легче всего поддаются переделкам и видоизменениям). Здесь древний сюжет – похищение девушки – как бы обрамлен историей двух братьев, ленивого У-гэна и трудолюбивого Ши-е. А сцена знакомства героя с красавицей, дочерью богача – горожанина Чжана, которому он носит на продажу хворост, – это типичная картинка жизни уже феодального Китая.

Очень распространены у китайцев сказки о чудесной жене. В сказке «Волшебная картина» герой женится на деве, сошедшей с картины, в другой сказке женой оказывается дева-пион, в третьей – Нефритовая фея, дух персикового дерева, в четвертой – девушка-лотос, в пятой – девица-карп. Древнейшая основа всех этих сказок – брак с тотемной женой. Женитьба на деве-тотеме мыслилась в глубочайшей древности как способ овладеть природными богатствами, которыми она якобы распоряжалась. Яснее всего эта древняя основа проглядывает в сказе «Женьшень-оборотень», героиня которого – чудесная дева – указывает любимому место, где растет целебный корень.

Брак с тотемной девой в сказках часто и легко расторгается из-за нарушения каких-либо брачных запретов. Так, кстати, происходит в сказе о женьшеневой деве. Следует сказать, что сюжет этот дошел до нас в сильно измененном виде. Здесь уже появляются феодальный город, харчевня, присутственное место, уездная управа. Весь этот фон удивительно напоминает средневековую городскую повесть. Именно под ее влиянием, видимо, и изменился архаический сказочный сюжет.

Еще большие изменения под влиянием социальных условий претерпел сюжет сказки «Сад Нефритовой девы». Ее герой, бедный каменотес, встречает деву – дух персикового дерева. Она не дарит ему реально никакого особого «производственного могущества», лишь помогает каменотесу избавиться от тяжелой повинности и наказывает стражника, поднявшего на него руку. В древности китайцы наделяли персиковое дерево свойством отгонять нечистую силу. В поздней сказке фея – дух персикового дерева – тоже отвращает от юноши злую силу, но теперь уже вполне реальную: чиновников и стражников.

Во всех сказках, записанных в наше время, тотемная дева превратилась в деву-оборотня. Произошло это, видимо, под влиянием очень распространенной в странах Дальнего Востока веры в оборотней: всякий старый предмет или долго проживший зверь может принять человеческий облик: забытый за шкафом веник через много лет может-де превратиться в веник-оборотень, зверь, проживший тысячу лет, становится белым, а проживший десять тысяч лет – черным, – оба обладают магической способностью к превращениям. Вера в животных-оборотней в народе была настолько живуча, что даже в энциклопедии ремесел и сельского хозяйства в XV веке с полной серьезностью говорилось о способах изгнания лисиц-оборотней: достаточно ударить оборотня куском старого, высохшего дерева, как он тотчас примет свой изначальный вид.

Вера в оборотней сохранилась в Китае во многом благодаря религиозному даосизму, сложившемуся в первых веках нашей эры. Даосы включили в свой культ образы так называемой низшей мифологии (духи стихий, оборотни, неприкаянные души умерших). Даосские монахи заступили место древних шаманов. Их приглашали к больным для изгнания духа болезни или для очищения дома от наваждения. Но в сказках оборотни далеко не всегда персонажи отрицательные. Женьшеневая дева, например, говорит, своему возлюбленному, что никогда не причиняла людям зла, хоть она и оборотень. Такая двойственность сказочного образа родилась из сочетания древнейших представлений о тотемной жене, помогающей тому, кто вступает с ней в связь, с более поздними повериями об оборотнях-цзин, завлекающих людей и вредящих им.

Сравнивая развитие сказок о чудесной жене на Дальнем Востоке с такими же сказками других народов, скажем европейских, следует отметить, что тут эволюция сюжета пошла несколько иным путем. В Европе эти сказки превратились в повествования о женитьбе героя на обычно заколдованной прекрасной царевне, которая дает герою уже не магическую власть над природой, а право на престол, то есть власть над людьми. Разные пути развития одного исходного сюжета определили и принципиальные различия всего антуража сказки. В сказках китайцев нет пышности, красочного описания царской жизни, герои и героини живут не во дворцах, а в бедных крестьянских хижинах.

Есть среди волшебных сказок сказки об испытаниях зятя в царстве тестя. В сказке «Небесный барабан» герой женится на небесной фее, но союз этот быстро расторгается, так как отец уводит фею на небо и запирает в небесной тюрьме. Чтобы вернуть жену, юноша должен пройти в царстве тестя длинную цепь брачных испытаний, которые не прошел до женитьбы, нарушив тем самым брачный ритуал. Лишь выполнив все задачи, которые ему задает тесть, юноша может вновь соединиться со своей небесной супругой.

Хорошо знакомы читателю сказки о победе обездоленного героя над своим противником, обычно злым и жадным старшим братом и его женой, над отчимом или мачехой. В китайской «Сказке про младшего брата» ярко выражена характерная для фольклора многих народов идеализация младшего члена семьи как хранителя семейного очага и родовых традиций. Младший брат оказывается удачливее старшего потому, что ему достается хотя и малая, но чрезвычайно важная часть родительского наследства. В нашем варианте сказки, записанном на полуострове Шаньдун, младший брат получает кусок тощей земли, петуха да собаку, на которой пашет. Пахота на собаке – это, видимо, переосмысленное древнейшее представление о тотемном предке (известно, что у многих родственных китайцам народов, живших к югу от Янцзы, тотемом была именно собака, и потому их первопредок изображался в облике пса), от которого зависит плодородие. Злой старший брат убивает и собаку, и петуха, младший закапывает их, и не где-нибудь, а перед своим жилищем, то есть на родовой земле. Из их костей вырастает чудесный вяз с листьями-монетами. На популярных еще недавно народных лубках часто можно было видеть изображение яоцяньюшу – «дерева, отряхающего монеты». Вспомним, что и в русской сказке о падчерице чудесный сад вырастает из костей коровы, покровительницы обездоленной героини. В основе этого известного у всех народов мотива лежат, видимо, древние поверья о ритуальном умерщвлении животных, из которых вырастают различные полезные растения. Разумеется, китайский сказочник нашего времени не имеет представления об архаической основе сюжета. Для него эти древнейшие мотивы лишь привычные поэтические образы сказочного мира.

Кроме сложной архаической основы китайских волшебных сказок, следует также сказать о других древнейших их чертах. Речь идет о числовой и цветовой символике, а также о национальной системе ориентации во времени и пространстве. Девяносто девять рек облетел Тянь-тай – герой сказки «Портрет девушки из дворца», тысячу раз по девятьсот девяносто девять верст промчался он, прежде чем нашел волшебную ухвертку. Производные от цифры девять постоянно встречаются и в других сказках. По древним представлениям девятка была основным нечетным (или как называли китайцы – мужским) числом. В китайских сказках вообще преобладают нечетные числа. Например, в обозначении количества героев – пять сестер, семеро братьев.

Наиболее часто встречаются в китайских сказках зеленый и красный цвета; зеленый – цвет растительности и, соответственно, весны, красный – цвет огня, созревающих плодов, а значит, и лета. Оба эти цвета символизировали в сознании китайцев течение жизни, недаром, видимо, когда в сказке о собаке и кошке звери приходят в дом торговца, они видят там людей в красном и в зеленом – в доме готовятся к свадьбе. Известно, что в некоторых южных провинциях Китая жениха несут в зеленом паланкине, а невесту в красном.

Темный и черный цвета, напротив, ассоциировались, по всей вероятности, с загробным миром, хотя у китайцев были и другие ассоциации, связанные с черным цветом, положительные.

В сказках мы постоянно сталкиваемся с обозначениями сторон света. Спустившийся с небес бессмертный старец советует героям сказки «Жены в зеркале» обратиться к юго-западу, чтобы увидеть суженых им невест; в сказке «Женщина-лисица» девушка-оборотень, прощаясь, наказывает своему возлюбленному, чтобы он шел искать ее на юго-запад. Юго-запад упомянут тут явно не случайно. В древнекитайской гадательной «Книге перемен» (VIII–VII вв.

до н. э.) говорится: «Благоприятен юго-запад, там свидишься с добрым человеком». Представление о юго-западе как о стороне, где должна состояться приятная герою встреча, сохранилось в народе и поныне. «Неблагоприятен северо-восток», – читаем мы в той же книге и понимаем, что также не случайно злой дракон в сказке «Лис-оборотень» прилетает с северо-востока. Особо следует сказать о западе. Там находилось, по древним представлениям, царство мертвых. «Вернуться на запад» означало по-китайски «умереть», и, когда старуха в сказке «Отворитесь, ворота каменные!» указывает героям путь на запад, они и попадают в иной мир, находящийся в горной пещере. Когда героиня сказки «Волшебная картина», которую унес злой оборотень, наказывает передать любимому, чтобы искал ее в Западной стране, – это значит, что он должен отправиться в страну мертвых.

События в китайских сказках часто связаны с какими-либо датами – обычно праздниками старого сельскохозяйственного календаря. Удивительные приключения происходят с героями или в Новый год, или в праздник фонарей, или в особые дни поминовения усопших предков (об этих праздниках подробно рассказано в комментариях к книге). По этим праздникам ведется в сказке счет течению времени в мире людей. В ином мире и время другое – это четко осознается сказочниками. Вроде бы совсем недолго пробыли в другом мире муж и жена из сказки «Отворитесь, ворота каменные!», а на земле «не век и не два минуло».

Волшебные сказки китайцев, как и некоторых других дальневосточных народов, отличаются особой «приземленностью» сказочной фантастики. Действие в них никогда не происходит в некотором царстве, тридесятом государстве, все необычное, наоборот, случается, с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. Большую часть вошедших в сборник волшебных повествований записали фольклористы Дун Цзюнь-лунь и Цзян Юань в глухом уезде Ишань провинции Шаньдун. Здесь же, в Ишаньских горах, случаются с героями сказок всякие чудеса. Но дело не только в более или менее точной локализации места действия сказки, а и в чрезвычайно характерном сочетании в них сложного вымысла с реальным бытом героев. Самое невероятное часто выписывается с такими подробностями, чисто бытовыми, а подчас и натуралистическими, что перестает казаться таким уж невероятным. Именно в этом, как представляется нам, принципиальное отличие сказочной фантастики китайцев от безудержной и совсем не приземленной фантастики индийских или, например, арабских сказок.

Раздел волшебных сказок завершается в сборнике повествованием об удивительных приключениях мастеров. Здесь использованы отдельные сказочные мотивы (путешествие героя в брюхе рыбы, встреча с великаном и другие), но сюжета, характерного для сказки, в нем нет. Ближе всего это повествование к авантурным сказкам, но, в отличие от них, оно изобилует волшебными приключениями. Эта удивительная история, явно сложившаяся в позднее время (недаром в ней упоминаются даже пароходы!), интересна как рассказ о забавных приключениях мастеровых людей в разных мирах и странах, приключениях, чем-то напоминающих путешествие Гулливера или удивительные похождения героев романа китайского прозаика XIX века Ли Жу-чжэня «Цветы в зеркале».

* * *

Раздел бытовых сказок, среди которых есть и сатирические, открывается сказками «Волшебный чан» и «Красивая жена»; они построены по законам сказки сатирической, хотя главную роль пока еще играют волшебные предметы. В других сказках бытовые элементы вытеснили все волшебное. Среди них есть немало сюжетов, известных во всем мире. Где только не рассказывают сказку о глупце, который делает все невпопад! На похоронах он кричит: «Таскать вам не перетаскать», а на свадьбе – «Канун да ладан». Его китайский «собрат» («Глупый муж») поступает почти так же: набрасывается с руганью на похоронную процессию, а носильщикам расписного свадебного паланкина предлагает помочь гроб донести. Кончаются такие сказки

всегда одинаково: в русской сказке дурак оказывается избитым, а в китайской – его поддевает на рога разъяренный бык.

В китайских сатирических сказках читатель найдет еще один чрезвычайно популярный в разных литературах сюжет: спрятанный в сундуке любовник. Едва ли не впервые он встречается в знаменитом «Океане сказаний» индийского писателя XI века Сомадевы; мы находим его потом в новелле десятой дня четвертого «Декамерона» Боккаччо и во многих произведениях русской литературы XVIII–XIX веков, начиная с анонимной «Повести о Карпе Сутулове». Жена купца Сутулова так же, как и героиня китайской сказки, ловко обманывает домогавшегося ее архиепископа, сталкивая его с другими притязателями и запирая в сундук. Характерно, что и в китайской сказке в сундуке оказывается настоятель монастыря, то есть лицо духовное.

В отличие от русских сатирических сказок, где судья – персонаж отрицательный, в китайском фольклоре существует цикл сказок о мудром судье Бао-гуне, правителе столичного города Кай-фэна в начале XI века, который прославился своей неподкупностью и справедливостью. Впоследствии многочисленные легенды о мудром расследовании запутанных преступлений или о справедливом решении сложных тяжб народ связывал с его именем, которое стало нарицательным. Образ реального правителя в фольклоре, конечно, сильно идеализирован. Популярности его во многом способствовали пьесы о судье Бао, шедшие на китайской сцене с XIII века. Среди этих драм были произведения, в которых рассказывалось, как судья Бао чинил суд над императорским зятем, любимой наложницей государя, князьями и несправедливыми правителями областей и уездов. Бао казнит даже одного из судей ада, для чего ему приходится спуститься в подземное царство. Сказки о мудрых решениях судьи Бао, в отличие от драматических произведений, весьма просты. И дела здесь мельче, и расследование проще.

В течение веков феодальный Китай был известен как империя чиновников. Их глупость, самонадеянность и корыстолюбие выступают перед нами и в народных сказках. Крестьяне, создатели сказки, имели непосредственно дело только с чиновниками уездного масштаба. Действие всех этих сказок обычно происходит в уездном управлении – ямыне. Бытовая сказка должна показать алогизм обычного, вывернуть наизнанку привычные жизненные нормы, поэтому победителем в ней неизменно оказывается человек из народа, простолудин, а уездный начальник либо остается в дураках, либо становится посмешищем.

Очень характерны для старого Китая сказки о посрамлении ученых-сюцаев. Чтобы получить низшую ученую степень сюцай, надо было выдержать экзамены в уездном городе, и только тогда можно было занять чиновничью должность. Единственное, что требовалось на экзаменах, – это знание конфуцианских классических книг. В делах практических сюцаи мало что смыслили. Спесивость и глупость подобного рода ученых мужей – извечная тема насмешливых сатирических сказок, одна из которых («Как три зятя тестя поздравляли») помещена в данном сборнике.

* * *

В последний раздел книги вошли сказы мастеровых и искателей женьшеня, а также старинные легенды. Сказы мастеровых – малоизвестная часть китайского фольклора. Многие из них связаны с именами обожествленных героев, научивших своему удивительному искусству других людей или пожертвовавших собой ради того, чтобы помочь мастеровым людям выполнить какую-либо трудную задачу. Жертвуя собой, спасает отца-кузнеца и его товарищей девушка Чжэнь-чжу в сказе «Богиня печи». Подобное же предание рассказывают в Пекине про дочь мастера Дэна, которая бросилась в горн, чтобы помочь отцу и его подручным отлить по приказу императора огромный колокол. Подобно Чжэнь-чжу, эта девушка была обожествлена как покровительница литейщиков колоколов, и в ее честь воздвигли храм. В основу этих

повествований легли древние представления о необходимости принести в жертву человека, дабы умиловить духов.

Сказ «Чжаочжоуский мост» повествует о Лу Бане, обоженном покровителе строителей и плотников. Он жил в период между VIII и V веком до н. э. и прославился как искусный мастер. Впоследствии вокруг его имени стали циклизироваться многочисленные рассказы о чудесном умении изготавливать вещи из дерева и строить затейливые здания. В сочинении VIII века рассказывалось, например, о том, как Лу Бань смастерил деревянную птицу, сел на нее и улетел на небо. В сказках Лу Бань выступает как герой, научивший людей применять пилу, навешивать в домах двери и многому другому. Его образ напоминает древних мифических героев-первопредков, которым приписывалось добывание различных «культурных» благ и изобретение таких жизненно необходимых вещей, как очаг или письменные знаки. Лу Бань – герой уже более позднего, не мифологического времени, приписанные ему открытия не носят такого первостепенного характера, часто это просто сказочное объяснение происхождения какого-либо архитектурного памятника.

После сказов мастеровых в книге помещены легенды искателей женьшеня. Женьшень был известен китайцам давно. Самым ценным считался дикий корень, который изредка находят в Маньчжурии, в окрестностях гор Чанбайшань. Спасаясь от голода, в частые неурожайные годы крестьяне-шаньдунцы уходили в глухие тогда северо-восточные земли, мечтая найти драгоценное растение и выгодно продать его. Ходили целыми артелями, иногда месяцами блуждали в горах, не находя подчас ничего. По вечерам или в ненастную погоду, сидя в шалаше, искатели предавались мечтам о чудесных тысячелетних корнях. Тогда же, видимо, и складывались поэтические легенды. В основе их лежали многочисленные поверья, связанные с этим удивительным растением, корень которого напоминает фигуру человека. Китайцы, например, считали, что большие старые корни стерегут тигры, змеи или красные волки. Они приписывали птичке банчуйня чудесное свойство – указывать людям, где растет «человек-корень». Старые корни наделялись способностью исчезать, как только их находили и хотели выкопать люди. Они, как считали искатели, не просто исчезали, а превращались то в торговца, то в женщину, то в корову и уходили, чтобы потом опять возвратиться в землю на старое место. В одной легенде даже рассказывается, будто корешки женьшеня превратились в артистов и давали представление в уездном городке в Маньчжурии. Эта вера в способность растений к перевоплощению восходит к древним анимистическим представлениям и вере в оборотней.

В поверьях искателей целебного корня было много архаических черт, в частности табу на название самого растения. Считалось, что нельзя называть корень его настоящим именем, иначе-де искателю не будет удачи и найденное растение уйдет от него. Вместо слова «женьшень» полагалось говорить «банчуй», что значит «палка», «батог». Также нельзя было произносить названия диких зверей. Тигра звали «шаньшэнь» – «господин горный дух», а волка почему-то Чжан Сань – Чжан Третий. С этими же архаическими чертами мы сталкиваемся и в легендах («Женьшень-оборотень» и «Царь-удав»).

В сказке-легенде о царе-удава отразились очень древние в своей основе представления об очищении земли от страшных чудовищ. Такие рассказы у китайцев некогда связывались с образом мифического стрелка И, который избавил людей от злого людоеда-быка яоюя, страшного кабана фэнсы, удава дафэна и клыка-бурава цзочи. Подобно ему, герой легенды «Царь-удав» убивает страшных змеев, стерегущих женьшень. Использованы в легенде и многие мотивы волшебной сказки – юноша совершает подвиг лишь благодаря чудесным помощникам: вороне, птичке банчуйня, мальчику-женьшеню, духу березы.

Архаичность сказов о женьшене объясняется, видимо, тем, что сказы эти бытуют в основном среди самих искателей, а возможно, и тем, что искатели целебного корня часто встречались в горах и лесах с представителями других, уже тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, удэгейцев, маньчжур), устное творчество у которых гораздо архаичнее, чем у китайцев.

Завершают сборник три чрезвычайно распространенные в Китае легенды. Самая древняя из них – повествование о Волопасе и Ткачихе. Впервые мы находим этот сюжет в китайской поэзии начала нашей эры. В варианте, вошедшем в данный сборник, соединились многие сказочные мотивы: и история о разделе имущества между братьями, и эпизод с кражей одежды у спустившейся с неба девицы-голубки, и испытания молодого зятя у злого тестя. Древнему преданию о звездах Пастуха из созвездия Орла и Ткачихи из созвездия Лиры, разделенных Млечным Путем, здесь придан облик привычной волшебной сказки.

Аналогичные изменения заметны и в «Сказании о Мэн Цзян-ньюй». Старинное предание о женщине, разрушившей своими слезами Великую Китайскую стену, известное нам уже по обработкам VIII–IX веков, получает в поздних прозаических вариантах чисто сказочное оформление (прибавляется начало, описывающее чудесное рождение героини из тыквы, предание о волшебном кнуте императора Ши-хуана).

Третье из этих сказаний («О Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай») сложилось, видимо, к VIII–X векам. Оно явно более позднее и, за исключением концовки, совсем бытовое. В нем рассказывается о любви девушки, переодетой юношей, к своему школьному товарищу. Тема эта тысячекратно перелагалась в драмах разных веков и местностей. Пьесу о разрушенной, вопреки воле молодых людей, трогательной любви показывал в нашей стране в 1955 году Театр шаосинской музыкальной драмы. В этой легенде с особой художественной силой выражен протест против жестокости родителей, насильно выдававших дочерей замуж. Трагически разрушенная любовь – постоянная тема многих очень поэтичных китайских легенд.

Все эти легенды давно вошли в народное сознание. У Шаньхай-гуаня, небольшого городка, где начинается Великая стена, вам покажут в море огромные камни. По преданию, именно здесь и утопилась верная памяти мужа Мэн Цзян-ньюй. В провинции Шэньси есть развалины храма, где сохранились статуи Мэн Цзян-ньюй и ее мужа. На протяжении веков в народе отмечали седьмое число седьмой луны как день встречи Волопаса и Ткачихи. В окрестностях Шанхая народ давно уже зовет желтых бабочек Лян Шань-бо, а черных – Чжу Ин-тай. Храмы в честь этих героев можно увидеть в разных концах страны. И конечно же, эти сюжеты были излюбленными на красочных новогодних лубках.

Легенды, так же как и сказки различных жанров, являют нам своеобразие устного народного творчества китайцев и вместе с тем свидетельствуют, что китайский сказочный эпос не есть явление уникальное. Напротив, китайские сказки – национальный вариант общемирового сказочного творчества, развившегося на базе весьма сходных для большинства народов первобытных представлений и верований. Едва ли случайно, что наиболее популярны во всех провинциях Китая те сюжеты, которые с детства хорошо знакомы и нашему читателю. Такова история про лису и трех девочек, удивительно похожая на сказку «Волк и семеро козлят», сказки об испытаниях зятя в царстве тестя, напоминающие историю про Царевну Лебедь; «Жених-змея» – вариант «Аленького цветочка» и многие другие.

Китайские сказки на протяжении, по крайней мере, полутора тысяч лет питали своими образами и сюжетами литературную новеллу. Уже в сборниках коротких рассказов о чудесах, созданных в III–VI веках, мы найдем немало сказочных мотивов. Именно там впервые встречается рассказ о чудесной жене-улитке, которая готовит бедному крестьянину вкусную еду. Сказку использовали и некоторые романисты. Так, сюжет о благодарном карпе вошел в ткань фантастического романа У Чэн-эня (XVI век) «Путешествие на Запад». Сюжет о мыши, упавшей в чан («Горная мышь и городская мышь»), изложенный в виде анекдота, включил в свое собрание забавных историй известный литератор XVII века Фэн Мэн-лун. Сказки о чудесных женах в самых причудливых вариантах переработал знаменитый писатель XVII века Пу Сунлин, автор «Удивительных историй Ляо-чжая», известных у нас под названием «Лисьи чары». Письменная литература оказывала, в свою очередь, влияние и на неграмотных сказочников. Из пересказов романов они заимствовали описания героев и некоторые сравнения, под влиянием

старых повестей отдельные сказки (например, «Лис-оборотень») завершаются рифмованными четверостишиями. В народе эту сказку и подобные ей повествования об оборотнях, близкие к новелле, называют «Ляо-чжай чацзы» – «Ветви Ляо-чжая», подчеркивая тем самым влияние удивительных историй Пу Сун-лина. Название это встретилось собирателям, правда, только в Шаньдуне, на родине писателя.

* * *

Хотя китайские сказочные сюжеты довольно рано попали в литературу письменную, сами сказки стали собирать и записывать совсем недавно. Только в 1918 году при Пекинском университете образовалось Общество изучения китайской народной песни, вслед за ним различные общества, ставившие себе целью сбор, публикацию и изучение фольклорного наследия страны, начали возникать в других городах Китая. Китайские фольклористы в 20–30-е годы собрали и опубликовали множество вариантов различных сказок. Но по-настоящему грандиозную собирательскую работу в стране развернуло только Общество изучения фольклора Китая, созданное в 1950 году, уже после победы народной власти. Не было, наверное, ни одного провинциального издательства в Китае, которое не издало бы в 1950–1963 годах нескольких сборников легенд и сказок. Однако ни ранее, ни в эти годы в Китае не было составлено ни одного сколько-нибудь полного и представительного собрания народных сказок. Не было и точных, научных публикаций записанных текстов. Если в 20–30-е годы собиратели, видимо, неслучайно проходили мимо остросоциальных сатирических сказок, то в 50–60-е годы произошло обратное, фольклор обрабатывался порой весьма произвольно и тенденциозно, прежде чем записи появлялись на страницах печатных изданий. Злые братья в таких обработанных вариантах превращались нередко в жестоких помещиков, сюжет искажался, и сказка часто теряла облик, присущий ей с древних времен. Обработка касалась и языка сказок: если в журналах сорокалетней давности сказки нередко излагались архаическим литературным языком, на котором много веков уже никто не говорил, то в поздних сборниках язык всюду приглажен и за ним трудно различить живую народную речь. Почти ничего не сообщают китайские фольклористы и о самих сказочниках, особенностях их репертуара, манеры. Мы знаем разве что только о Цинь Ди-ньюй – старой крестьянке из Внутренней Монголии, от которой фольклористы записали помещенные в этом сборнике прекрасные варианты сказок «Жених-змея» и «Волопас и Ткачиха». В 1954 году, когда в ее родную деревню приехали ученые, ей было шестьдесят семь лет. Свои сказки она слышала в детстве от матери, а та переняла их от своей матери.

* * *

Книга под названием «Китайские народные сказки» выходит в издательстве «Художественная литература» в третий раз. При подготовке данного издания большая часть сказок, входивших в предыдущие сборники, была заменена новыми, взятыми из публикаций, сделанных китайскими фольклористами в конце 20-х – начале 60-х годов.

Китайские сказки доносят до нас дыхание жизни китайского народа, рисуют его тяжелое прошлое и показывают, как богат и неисчерпаем старинный китайский фольклор.

Б. Рифтин

Сказки о животных

О том, как по животным счет годам вести стали

Рассказывают, будто в старину не знали, как по животным счет годам вести. Этому научил людей сам Юй-ди, Нефритовый владыка³. Вот для чего он однажды и призвал в свой Небесный дворец⁴ всех зверей и птиц. В те времена кошка с мышью в большой дружбе были и жили вместе, словно сестры. Обрадовались они, что приглашение в Небесный дворец получили, и сговорились идти вместе.

Всем известно, что кошки поспать любят. Знала за собой эту слабость и наша кошка, а потому решила загодя с мышью договориться.

– Ты ведь знаешь, сестрица Мышь, как я люблю поспать, – вежливо начала она. – Разбуди меня, пожалуйста, завтра, когда придет время во дворец отправляться.

Ударилась мышшь лапкой в грудь и пообещала:

– Я непременно разбужу тебя! Спи, ни о чем не тревожься!

– Благодарю! – сказала кошка, почистила усы и, ни о чем не тревожась, уснула.

На другое утро мышшь поднялась чуть свет. Она и не подумала разбудить кошку. Поела и одна отправилась в Небесный дворец.

А теперь расскажем о драконе, который жил в пучине. Он тоже получил приглашение во дворец.

«Уж кого-кого, а меня непременно выберут», – решил дракон. И верно. Вид у него и впрямь был воинственный: панцирь на теле так и сверкает, под носом усы торчком торчат. Один только был у него недостаток – голова голая, ничего на ней не растет. «Вот бы мне рога раздобыть, тогда никто бы со мной в красоте сравниться не смог!» Подумал так дракон и решил занять у кого-нибудь на неделю рога.

Только высунул он голову из воды, глядь – на берегу петух. Грудь выпятил и важно так расхаживает. В те времена у петухов огромные рога были. Обрадовался дракон, подплыл к берегу и говорит петуху:

– Дядюшка Петух, а дядюшка Петух, одолжи мне свои рога, я завтра с ними в Небесный дворец пойду.

– Ай-я! Братец Дракон! – ответил петух. – Уж ты меня извини, но я тоже завтра в Небесный дворец пойду.

– Тебе, дядюшка Петух, такие большие рога совсем не идут, голова у тебя чересчур мала, отдай их лучше мне. Взгляни-ка! Мне они в самый раз!

Случилось так, что в это время из расщелины сороконожка выползла. А сороконожки любят нос в чужие дела совать. Услышала сороконожка слова дракона и говорит:

– Дядюшка Петух, а дядюшка Петух! Одолжи братцу Дракону рога, ну хоть на разок. А если боишься, я готова за него поручиться. Ну что, одолжишь?

Петух согласился. Ведь сороконожка поручилась за дракона. А он, петух, и без рогов собой хорош.

Пожаловали на следующий день все звери да птицы в Небесный дворец. Собралось их великое множество. Вышел к ним Нефритовый владыка и говорит:

³ Верховное божество в китайской народной религии. Обычно изображался сидящим на троне в императорском халате, украшенном драконами, и государевом головном уборе, со свисающими вниз нитями цветных шариков.

⁴ Китайцы представляли себе жизнь богов на небе как точную копию земной жизни, потому и небесный владыка должен был жить в Небесном дворце.

– Отныне счет годам вести будем по зверям и птицам. А по каким – вы сами назовите. И назвали звери вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха и мышь.

Почему именно их выбрали тогда звери – никто не знает. Почему петуха, а не утку? Тигра, а не льва?

Итак, выбрали всего двенадцать зверей. Выбрать-то выбрали. А как их по порядку расставить? Тут-то и пошли споры да пересуды.

– Самый большой из вас вол, пусть он и будет первым, – сказал Нефритовый владыка.

Все согласились, даже тигр. Но тут вдруг мышка-малышка подняла лапу и говорит:

– А я разве не больше вола? Отчего же тогда, завидев меня, все кричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!»? Но никто никогда не сказал: «Ай-я! Какой громадный вол!» Выходит, люди считают, что я больше вола!

Удивился Нефритовый владыка:

– А ты правду говоришь? Что-то я не верю!

Тут обезьяна и лошадь в один голос закричали, что мышь просто-напросто врет. Однако мышь как ни в чем не бывало отвечала:

– Не верите? Давайте проверим!

Петух, баран, собака и заяц согласились.

– Давайте проверим, – сказал и Нефритовый владыка.

Отправились звери к людям.

И что бы вы думали? Все случилось точь-в-точь, как говорила мышь.

Когда мимо людей вол проходил, все наперебой хвалили его: «Какой хороший, какой тучный!» Только никто не сказал: «Какой громадный!» А хитрая мышь тем временем взобралась вола на спину, встала на задние лапки. Увидали ее люди и как закричат:

– Ай-я! Какая громадная мышь!

Услыхал это Нефритовый владыка собственными ушами, нахмурил брови и говорит:

– Ладно! Раз люди считают, что мышь больше вола, пусть вол уступит ей первое место.

А сам пусть будет вторым.

На том и порешили. Вот отчего и поныне счет ведут с года Мыши, а уж потом идет год Вола.

Воротилась мышь домой рада-радехонька, что первая среди зверей оказалась, гордится да важничает. А кошка только-только глаза продрала, увидела она мышь и спрашивает:

– Что же ты молчишь, сестрица Мышь? Разве не велено нам сегодня во дворец пожаловать?

– Ты все еще почиваешь? А я уж из дворца воротилась. Двенадцать зверей выбрали, чтобы по ним счет годам вести, и я среди них первая!

Удивилась кошка, раскрыла широко глаза и спрашивает:

– Отчего же ты меня не разбудила?

– Забыла! – как ни в чем не бывало ответила мышь.

Разозлилась кошка, усы у нее торчком, да как закричит:

– Дрянь паршивая! А я еще тебе поверила, уснула, ни о чем не тревожась! Не ты ли обещала меня разбудить? Я знаю! Ты хотела навредить мне. Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь!

Мышь вины за собой не признала и говорит:

– Что зря шуметь! Не разбудила – значит, не захотела. Это уж дело мое. Я тебе не служанка!

Кошка так и вскипела: задышала тяжело, оскалила зубы, бросилась на мышь и перегрызла ей горло – мышка только пискнуть успела да дернуть задними лапками.

Так и остались с тех пор кошка да мышь лютыми врагами.

А теперь расскажем о петухе. Вернулся он домой грустный-прегрустный и думает: «Нефритовый владыка потому дракона впереди меня поставил, что рога у него на голове были мои». И решил петух непременно отобрать у дракона свои рога.

Подошел он к пучине, смотрит – дракон весело резвится в воде. И сказал тогда петух дракону очень вежливо:

– Братец Дракон! Верни мне, пожалуйста, мои рога!

Дракон удивился, но ответил с достоинством, не горячась:

– А, это ты, дядюшка Петух? Да зачем тебе рога? По правде говоря, ты без них куда красивее. А мне твои рога уж очень кстати!

– Кстати они тебе или некстати – дело не мое, – невесело ответил петух. – Раз взял – надо отдать.

Дракон ничего не ответил. Подумал немного, потом вдруг почтительно поклонился Петуху и говорит:

– Ты уж не взыщи, дядюшка Петух! Время позднее, пора и отдохнуть. А об этом мы с тобой в другой раз поговорим.

Не успел петух и рта раскрыть, как дракон под водой скрылся. Разъярился тут петух, захлопал крыльями и как закричит во все петушиное горло:

– Братец Дракон, отдай мне рога! Братец Дракон, отдай мне рога!

Но дракон о ту пору уже крепко спал на самом дне пучины и ничего не слышал.

Долго кричал петух, охрип и совсем из сил выбился. Делать нечего. Решил он отыскать сороконожку. Ведь она тогда за дракона поручилась.

Отыскал петух сороконожку на груде камней, рассказал ей все по порядку и говорит:

– Госпожа Сороконожка, вы поручились за дракона и не можете так оставить это дело.

Подняла сороконожка голову, помолчала и наконец медленно проговорила:

– Вернет тебе братец Дракон рога. А не вернет – так и будет! Сам посуди! Не могу же я найти его на дне пучины!

Петух от злости даже покраснел.

– Какой же ты поручитель! Нечего тогда соваться в чужие дела. Беда случилась, а тебе хоть бы что!

– Не возводи, дядюшка Петух, на меня напраслину, – стала оправдываться сороконожка. – Ты сам отдал дракону рога. А я просто так за него поручилась. Кто бы мог подумать, что братцу Дракону доверять нельзя? Знай я это раньше, не стала бы за него ручаться.

– Что же теперь делать? – спросил петух, смиряя гнев.

– Я ведь сказала, что делать. Признать, что тебе не повезло, если дракон так и не отдаст рогов. Сам виноват. Прежде чем отдавать, надо было хорошенько подумать.

– По-твоему, я сам виноват? – Петух выпучил глаза, выпятил грудь и стал наступать на сороконожку.

– Сам виноват, сам виноват, надо было хорошенько подумать, – ни жива ни мертва твердила сороконожка.

Еще пуще покраснел петух, вытянул шею, клюнул сороконожку в голову. Раз-другой мотнул головой, сороконожку живьем проглотил.

С тех пор петухи каждое лето клюют во дворе сороконожек. А по утрам, только начнет светать, кричат во все горло:

– Лун-гэгэ, цзяо хуань во! Братец Дракон, отдай мне рога!

Про сосну, черепаху и тигра⁵

В незапамятные времена в неведомом краю высилась громадная гора, а на той горе причудливые камни друг на дружку громоздились. На вершине горы в черной-пречерной пещере жил огромный тигр: шкура пятнистая, глаза выпуклые, на лбу белая мета, а силищи такой, что никто сравниться с ним не мог. Зарычит тигр сердито – земля задрожит, горы закачаются. У подножья горы в бездонной зеленой пучине громадная черепаха жила. Рассердится черепаха, ударит панцирем по воде – забегают, закружатся волны. Вытянет она шею – еще больше станет, в целый чжан⁶ с лишком. А на самой середине горы росла сосна в несколько десятков чжанов высотой. Вся искривилась, изогнулась – тысяча лет ей. Изо всех сил старалась старая сосна пошире раскинуть свои ветви – боялась, как бы молодые деревья рядом с ней не выросли.

Хотя тигр жил на самой вершине горы, а черепаха – в глубоком омуте, были они неразлучными друзьями. Не увидятся день-другой – печалются, трех дней не пройдет – бегут навестить друг дружку. То тигр спустится с горы, то черепаха на вершину поднимется. И всякий раз проходили они мимо старой сосны, частенько о ее здоровье справлялись.

– У-у, э-э, – шумела в ответ сосна, а сама втайне завидовала друзьям.

Не по нутру было ей могущество тигра, не по нраву сила черепахи, но пуще всего досаждала сосне их крепкая дружба. Давным-давно замыслила сосна разлучить неразлучных друзей, вражду посеять между ними, да все прикидывала, как это сделать. И придумала наконец. Только, пока она думала, засохла наполовину и почернела, а иглы ее желтыми стали.

Как раз в ту пору черепаха отправилась на гору проведать своего друга тигра. Добралась она до сосны и только было хотела поздороваться, как вдруг слышит – сосна ее спрашивает:

– Куда путь держишь, сестрица Черепаха?

– Иду навестить старшего брата Тигра, – отвечает черепаха.

Вздыхнула тут сосна, да так тяжело. Подивилась черепаха и спрашивает:

– Ты что это вздыхаешь, сестрица Сосна?

А сосна опять тяжело вздохнула и говорит:

– Не советовала бы я тебе ходить к тигру.

Пуще прежнего удивилась черепаха и снова спрашивает:

– Отчего же это ты не советуешь мне идти к тигру?

– Знала бы ты, – тихонько промолвила сосна, – как вчера на вершине горы он тебя поносил, уши бы мои не слушали.

– Как же он меня поносил? – стала допытываться черепаха.

– Могу сказать, а ты не рассердишься? – еще тише, чтобы никто не услышал, спросила сосна. – Так вот, обозвал он тебя головастиком, грозился, как придешь ты к нему, изгрызть твой панцирь и выпить твою желчь.

Услыхала это черепаха, высунула голову и в дикой ярости поползла обратно в свой омут.

А тигр ждал ее, ждал в пещере, да и говорит сам себе:

– Что это сестрица Черепаха не идет?

Вышел тигр из своего логова, огляделся вокруг: нигде не видать черепахи. «Пойду-ка сам проведу ее». Решил так тигр и помчался вниз с горы.

Вдруг слышит – сосна его спрашивает:

– Куда путь держишь, братец Тигр?

Отвечает ей тигр:

⁵ Про сосну, черепаху и тигра (История одной сосны). – Перевод из сб. «Чжаогуняо» («Птица чжаогу»), шаньдунские сказки, записали Дун Цзюнь-лунь и Цзян Юань, Пекин, 1963.

⁶ Чжан – мера длины, 3,2 м.

– Да вот, не дождался я черепаху и сам решил ее проведать.
Вздыхнула тут сосна, да так тяжело.

– Ты что это вздыхаешь, сестрица Сосна? – подивился тигр.

А сосна опять тяжело вздохнула и говорит:

– Не советовала бы я тебе ходить к черепахе.

Пуще прежнего подивился тигр и снова спрашивает:

– Отчего же это ты не советуешь мне идти к черепахе?

– Знал бы ты, – тихо промолвила сосна, – как она тебя только что здесь поносила, уши бы мои не слушали.

– Как же она поносила меня? – стал допытываться тигр.

Тогда сосна еще тише, чтобы никто не услышал, ответила:

– Обозвала она тебя поганым тигренком⁷. Грозилась, как придешь ты к ней, вгрызться зубами в твои когти, стащить тебя за лапы в воду и утопить.

Услыхал это тигр, рассердился, хвостом махнул и обратно побежал.

Много воды с тех пор утекло, а тигр с черепахой так и не встретились больше. Да только горячий был у тигра нрав. Как вспомнит про черепаху, так злость его разбирает. Не стерпел он однажды, выскочил из пещеры и побежал к омуту.

А сосна рада-радехонька, чуть не смеется. Бежит тигр к омуту и ругается:

– Вот я тебе покажу, черепашьё отродье, ты когти мне грозилась изгрызть да за лапы меня в омут стащить?

Высунулась тут черепаха из воды и тоже давай ругаться:

– Вот я тебе покажу, поганый тигренок, ты панцирь мой грозился изгрызть да желчь мою выпить?

Ругались они ругались, да так распалились, что принялись драться. Только ни одному на ум не пришло правду от неправды отличить. Вцепилась черепаха зубами в тигриную лапу и в омут его стащила. А тигр вонзил клыки в черепаший панцирь, и хоть умрет – не отпустит. Немного времени прошло, испустила дух черепаха, тигр водой захлебнулся.

На другое утро шел мимо омута юноша. Видит – на поверхности тигр с черепахой дохлые плавают. Позвал юноша людей, и решили они тигра с черепахой в деревню к себе отнести. Стали судить да рядить – откуда столько дров раздобыть, чтобы тигра с черепахой сварить. Услыхал это юноша и повел людей с топорами и пилами на гору.

Дошли они до середины горы, где старая сосна стояла, посмотрел на нее юноша и говорит:

– Сосне этой, почитай, тысяча лет. Она уже наполовину высохла. Сама не растет и молодым деревьям расти не дает. Что ее жалеть? Срубим – на костер дров хватит.

Принялись тут все дружно за работу и повалили старую сосну.

Вот какую рассказывают историю.

⁷ В Китае, где особо почитается старость, назвать кого-либо младшим по возрасту считалось тяжким оскорблением.

Как горная и городская мышь друг к дружке в гости ходили⁸

Вышла однажды горная мышь прогуляться и повстречала на дороге городскую мышь. Разговорились мыши и очень понравились друг дружке. С того дня стали они закадычными подругами.

Говорит как-то раз горная мышь городской:

– Сестрица, дорогая, ты, наверно, сыта по горло городскими яствами. Пойдем ко мне, я угощу тебя на славу! Отведаешь свежих, сочных плодов!

Обрадовалась городская мышь и не раздумывая согласилась. Привела горная мышь подружку в свою норку, достала из кладовой земляные орехи, сладкий картофель, разные ягоды, стала потчевать гостью. И так ублажила городскую мышь, что та тотчас же позвала горную мышь к себе отведать сала, сахару да печенья. А горная мышь рада-радехонька, что случай ей выдался поест дорогих лакомств.

На другой день пустилась горная мышь в путь. Ее подруга жила в подполе лавки, и у нее всегда было вдоволь всякой вкусной еды. Мыши поболтали о том о сем, вылезли из подпола, закусили сальцем, сахарку погрызли. Наелась-натешилась горная мышь. Вдруг видит: стоит в углу большой глиняный чан.

– Сестрица, а сестрица, – окликнула она подружку, – а там что, в чане?

– В чане? Масло. Вкусное, жирное, только много его не выпьешь. Отведай, коли охота!

Уж так насытилась горная мышь, что дальше некуда, да как не отведать масла? Попросила она подружку крепко-крепко держать ее зубами за хвост, сама в чан полезла. Масло желтое, прозрачное, все дно как на ладони видно.

Висит мышь на собственном хвосте, будто на веревке, масло пьет. Напилась и опять просит подружку:

– Вытащи меня наверх! Не могу я больше масло пить!

Вытащила ее городская мышь и говорит:

– Давай-ка, сестрица, уберемся отсюда подобра-поздорову, а то как бы беды не стряслось – черный кот тут неподалеку гуляет!

– Не бойся, – отвечает горная мышь, – уж очень хочется мне еще масла попить! По вкусу оно мне пришлось!

Передохнула и опять в чан полезла. А городская мышь на краю чана сидит, подружку за хвост держит.

Вдруг открылась дверь, и на пороге показался огромный черный кот.

Городская мышь как закричит:

– Ой, сестрица, вылезай скорее! – и выпустила из зубов подружкин хвост.

Путун! Это горная мышь в масло плюхнулась. И выплыть не смогла – очень уж отяжелела. Так и утонула.

⁸ Из журнала «Миньсу» («Фольклор»), 1929, № 85, Кантон.

Как собака с кошкой враждовать стали⁹

Жил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили звери, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой дом стерегут, чужого близко не подпускают. Пуще сокровища берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Пошел как-то старик в горы травы накосить. Идет обратно, смотрит – лежит на земле черная змейка, видать, оголодала, с места двинуться не может. Пожалел старик змейку, спрятал за пазуху, пошел своей дорогой. Пришел домой, выходил змейку, откормил. Но вот однажды говорит ей старик:

– Иди-ка ты из нашего дома, змейка. Рис у нас перевелся, травы больше нет – нечем нам тебя кормить!

Кивнула змейка головой и говорит:

– Добрый дедушка, если б не ты, умерла бы я с голоду. Да вот не знаю, как отблагодарить тебя. Только и есть у меня, что собственный хвост. Возьми его, положи в деревянную шкатулку и схорони подальше, чтобы никто чужой не увидел. А как понадобятся деньги, потряси – посыплутся из хвоста монеты.

Согласился старик. И только отрубил у змейки хвост, как она исчезла. Положил старик змеиный хвост в деревянную шкатулку, шкатулку закопал за кухней, куда никто чужой не заглядывал.

Только переведутся у стариков деньги, выкопают они заветную шкатулку, достанут змеиный хвост, потрясут, на пол медные монеты со звоном посыплутся. Соберет старик монеты, отправится на базар, купит масла, соли, риса, хвороста. Вернется домой, еду варит. Сварит и разделит на четыре части: одну – старухе, другую – собаке, третью – кошке, а четвертую – себе. Так и жили они, не ведая нужды.

Но вот однажды постучался к старикам бродячий торговец. Боязно ему было одному темной ночью по дороге идти, вот и попросился заночевать. Впустил его старик.

А на другой день, еще до рассвета, прошел старик тихонько за кухню, достал из шкатулки змеиный хвост, потряс его. И на землю медяки посыпались. Только и слышно: цзян-цэян-хуалан. Торговец все это через окно видел. Только ушел старик из дому, как он тотчас же вскочил, откопал драгоценную шкатулку, сунул в корзину, поднял коромысло – и ходу.

Вернулся старик домой, а старуха плачет, да так жалобно. Спрашивает старик:

– Какая беда приключилась?

А старуха отвечает:

– Шкатулку нашу драгоценную бродячий торговец унес!

Не поверил старик:

– Ты что это плетешь, старая? Схоронил я ее далеко да глубоко. Как же мог он ее найти?

Видать, не там ты искала, где надо.

Сказал так старик и сам за кухню пошел. Искал-искал – ничего не нашел.

Пригорюнились старик со старухой. Старик тяжело вздыхает, а старуха слезами залива-ется. Тут как раз кошка с собакой со двора воротились завтракать вместе с хозяевами. А у хозяев лица печальные, брови хмурые, чуют кошка с собакой, что беда приключилась, а что за беда – не знают. Поглядел на них старик, вздохнул и говорит:

– Унес злодей-торговец нашу шкатулку. Бегите скорее! Догнать его надо!

⁹ Из журнала «Миңьцзянь вэньсюэ» («Фольклор»), 1956, № 5.

– Бежим, может, поймаем его, – сказала собака кошке, – видишь, как убиваются наши благодетели!

Выскочили они из дому и в путь отправились. Идут, вынюхивают все, высматривают – нигде нет драгоценной шкатулки. И решили они идти к торговцу. А дом его за рекой стоял.

Подшли они к реке, река бурлит, волны на ней пенятся. Кошка в комок съжилась от страха.

– Не бойся, – подбадривает ее собака, – как-нибудь переберемся на тот берег, я ведь умею плавать. А без шкатулки нам лучше домой не возвращаться.

Увидела кошка, что собака такая храбрая, сама расхрабрилась и вскочила ей на спину. Переплыли они реку и очутились в маленькой деревушке. Идут по деревушке, в каждый двор заглядывают, ни одного не пропускают. Вдруг видят – стоит во дворе большой дом, народу видимо-невидимо, кто в красном, кто в зеленом, – к свадьбе готовятся. И признали они в женихе того самого торговца, который у старика ночевал.

– Иди в дом, – говорит собака кошке на ухо, – разузнай, где схоронил торговец заветную шкатулку. Я бы сама пошла, да боюсь, приметят меня. А как узнаешь, сразу беги за околицу, я буду ждать тебя под ивой.

Кивнула кошка головой, мяукнула, взобралась на крышу, с крыши прямехонько во двор прыгнула, а со двора, через маленькое оконце, пролезла в спальню. Ищет кошка заветную шкатулку, все углы обшарила, нигде нет. Уселась кошка под кровать и думает, как же ей быть. Вдруг видит – из сундука, который в спальне стоял, мышка вылезла. Бросилась на нее кошка, а мышь дрожит в кошачьих лапах, отпустить просит. Говорит ей кошка с безразличным видом:

– Поможешь мне в одном деле, отпущу.

– Все сделаю, царица кошка, только прикажи, – пропищала мышка.

– Полезай в хозяйский сундук, посмотри, нет ли там деревянной шкатулки. Если найдешь, быстрее тащи сюда.

Залезла мышь в сундук, вмиг вытащила заветную шкатулку и с низким поклоном передала ее кошке. Кошка схватила шкатулку и пустилась наутек.

Увидел торговец кошку и как закричит:

– Держите кошку! Она украла сокровище! Держите ее!

Бросились люди за кошкой вдогонку, а она через стену шмыг, только ее и видели. Прибежала за околицу, а там ее собака под ивой дожидается, и двинулись они в обратный путь. Идут не нарадуются. Когда подошли к реке, собака строго-настрого приказала кошке:

– Увидишь рыбу или рака, смотри, рта не разевай, не то уронишь шкатулку в воду.

Теперь кошка больше не боялась через реку плыть. Она с важностью сидела на спине у собаки и воображала, как станут ее благодарить хозяева. Доплыли они до середины реки, вдруг видят – рыбешки в воде резвятся. У кошки даже слюнки потекли, не выдержала она и как закричит:

– Ой, сколько рыбы!

Хуа-ла – это шкатулка упала в воду и пошла ко дну.

– Говорил я тебе, чтоб ты рта не разевала да помалкивала. Как же теперь быть?

Приплыла собака с кошкой к берегу, кошку оставила, а сама на середину реки воротилась. Насилу вытащила из воды драгоценную шкатулку.

Устала собака, присела отдохнуть, глаза закрыла и не заметила, как задремала. А кошка тем временем схватила шкатулку и побежала домой.

Увидел старик, что кошка шкатулку принесла, обрадовался, бросился к старухе, чтоб добрую весть ей сообщить. И стали они наперебой расхваливать кошку: какая она ловкая да проворная. Открыл старик шкатулку, достал змеиный хвост, тряхнул – на пол медные монеты посыпались, звенят. Накупил старик всякой всячины, приготовил разные вкусные кушанья,

стал кошку потчевать. Уселась кошка поудобнее, но не успела за еду приняться, как видит – бежит собака.

– Ах ты дармоедка! Только и знаешь, что брюхо набивать! – накинулся на нее хозяин.

А кошка знай уплетает. Хоть бы словечко вымолвила. Так хотелось собаке попить да поесть, но ничего вкусного ей не досталось, пришлось довольствоваться остатками супа и риса.

С тех пор возненавидела собака кошку. Как увидит, сразу норовит схватить за горло.

Так и пошла у них вражда.

Благодарная тигрица¹⁰

Как-то отправился дровосек в горы хворост рубить. Вдруг слышит – внизу, в долине, кто-то стонет, да так жалобно: у-у. Пошел дровосек на голос, пришел к скале, в скале пещера, в пещере тигрица лежит – никак окотиться не может. Кишки у нее из чрева вылезли, за колючий терновник зацепились. Невмоготу ей, вот она и стонет. Увидала тигрица дровосека, посмотрела на него печально-печально, будто сказать хотела: «Спаси меня, дровосек!», и еще жалобнее застонала. Поглядел дровосек на тигрицу, послушал, как она стонет. Жалко ему горемыку. Прибежал он домой и говорит матери:

– Я сейчас тигрицу видел, лежит в пещере, никак окотиться не может, кишки из нее повылезли. Смотреть жалко! Одна ты спасти ее можешь; все знают, какая ты умелая повитуха! Пойдем же скорее!

А мать ему отвечает:

– Да, если кишки повылезли, тут и помереть недолго. Спасти тигрицу можно, только надобно таз с вином принести, плеснуть на кишки вином, а потом тихонечко да легонечко в чрево их вложить.

Отправились дровосек с матерью спасать тигрицу. И вправду полегчало ей, народила она четырех тигрят. А старуха повитуха, прежде чем домой воротиться, похлопала по спине тигрицу и говорит:

– Одолела нас нужда, сынок мой даже жену в дом привести не может, вот ты и принесла б ему невесту на спине, чтоб за добро нам отплатить.

Закивала тигрица головой, будто поняла, что старуха ей сказала.

И вот однажды ночью, когда выл-задувал северный ветер и хлопьями валил снег, мимо гор невесту в паланкине несли. Вдруг раздался оглушительный рев, будто гром грянул, и пятеро тигров ринулись вниз с горы. Кто паланкин нес, все врассыпную бросились. А тигрица и тигрята невесту похитили и к дому дровосека отнесли. Стали в ворота стучаться. На стук сам хозяин вышел. Увидел невесту и так обрадовался, что ни сказать, ни описать невозможно. Тут же и свадьбу сыграли. Дошел об этом слух до родителей жениха, у которого тигры невесту похитили, и пожаловались родители судье. Послал уездный начальник за дровосеком, допрос ему учинил. Рассказал ему дровосек все как было. Не верит чиновник. И пошла тогда мать дровосека в горы тигров в свидетели звать. Не побоялись тигры, все впятером в присутствие явились. Судья от страха дрожит, а сам спрашивает:

– Правда это, что вы невесту в дом дровосека принесли?

Тигры все разом головой кивнули – правда, мол. Не стал больше судья допытываться – боязно ему, – так и отпустил дровосека.

А вскорости князь варваров на страну ту диких зверей наслал. Самые храбрые полководцы не отважились супротив них пойти. И попросил тогда государь дровосека с пятью тиграми вызволить страну из беды. Трех дней не прошло, как все князевы звери исчезли, будто лепестки в бурном потоке, – тигры их загрызли. А князь тот едва ноги унес и не отваживался больше нападать. Возликовал тут государь, пожаловал дровосеку чин Полководца пяти тигров и велел ему стеречь границы. С той поры воцарились в стране мир да покой.

¹⁰ Благодарная тигрица (Тигр похищает невесту, вариант 2). – Из кн. Чжу Юй-цзунь, Миныйцзянь шэньхуа цюаньци (Полное собрание волшебных сказок), Шанхай, 1933.

Как тигр кап-капа испугался¹¹

Однажды, когда уже за вечерело, сидели в тростниковой хижине два крестьянина и разговор меж собой вели. Спрашивает один крестьянин другого:

– Не боязно тебе жить одному в таком глухом месте?

А тот отвечает:

– Никого не боюсь, ни тигра, ни черта, боюсь только, что кап-кап с крыши закапает.

О ту пору как раз тигр поблизости схоронился. Услыхал он эти слова и тихонечко говорит сам себе: «Ни тигра он не боится, ни черта, боится только кап-капа. Выходит, этот кап-кап страшнее да грознее меня? Уберусь-ка я лучше отсюда подобру-поздорову». Сказал так тигр сам себе и побежал прочь от хижины. Бежал-бежал и не заметил, как прибежал в одну деревню. Жило в той деревне десятка два, ну, может, два с половиной семей.

И случилось так, что как раз в это время забрался в деревню вор. Пришел вор к воротам высокого дома, а в руках у него большой-пребольшой бумажный фонарь болтается. Увидел его тигр, остановился в страхе и думает: «Не иначе как это и есть тот самый кап-кап». Подумал он так, съезился и решил тихонько обойти тот дом. Обошел, хижину тростниковую нашел, спать в ней улегся.

Вскороги вор туда же прибежал – люди его спугнули. Лег вор с тигром рядышком и заснул. А тигр лежит, от страха дрожит, думает: это кап-кап с ним рядом спит. Голову поднять боится. А вор тигра за корову принял и радуется: «Вот счастье привалило! Вот удача! Всю ночь зря пробежал – люди спугнули, и вдруг на тебе – корова. Уведу-ка ее с собой». А тигр себя не помнит от страха, трясется, думает: «Пусть из хижины выводит, пусть за собой уводит – все равно не подниму головы».

Между тем уже светать стало. Решил вор корову разглядеть получше – велика ли она? Глянул, чует – сейчас у него сердце и желчный пузырь лопнут. Бросился вор из хижины вон, на самую макушку дерева залез. Вдруг откуда ни возьмись обезьяна явилась. Увидела, что тигр впросак попал, и давай хохотать:

– Чего это ты так испугался, братец Тигр?

– А тебе и невдомек, сестрица Обезьяна? Нынче ночью я с кап-капом повстречался. До самой росы он меня на поводу вел. Беда, да и только!

– Что это еще за кап-кап?

– А ты сама погляди, а то я боюсь. Вон он, на дереве сидит.

– Померещилось тебе, что ли? Скажешь тоже: кап-кап! Ведь это человек на дереве сидит. Не веришь? Вот я сейчас лозу вырву, одним концом привяжу ее к твоей лапе, а другим – к моей. Живо вниз его сброшу, полакомишься вволю. А коли кап-кап, я головой мотну. Ты тогда беги и меня за собой тащи подальше от беды. Ну как, согласен?

– Согласен, согласен! Лучше и не придумаешь!

Полезла обезьяна на дерево. Только добралась до середины, а вор со страху в штаны напустил. Закапало на обезьяну: кап-кап. Замотала обезьяна головой, отряхиваться стала. Увидел тигр, пустился бежать со всех ног и обезьяну за собой поволок. Убилась бедняга насмерть.

Пробежал тигр одним духом ли¹² тридцать с лишком, запыхался, увидел высокий холм, присел отдохнуть. Хорошо бы, думает, оленем пообедать. Слыхал он, что в горах олени водятся, да отродясь их не видел. Вдруг смотрит – зверь какой-то вдалеке показался. Прямо на

¹¹ Как тигр кап-капа испугался. – Из кн. Чжу Юй-цзунь, Миньцзянь шэньхуа цюаньцзи (Полное собрание волшебных сказок), Шанхай, 1933.

¹² Китайская единица измерения расстояния, ≈ 500 метров.

него бежит. А это как раз и был олень. Увидел олень тигра, задрожал от страха, остановился ни жив ни мертв. А тигр улыбнулся и очень вежливо говорит оленю:

– Будь добр, дружок! Скажи мне свою драгоценную фамилию и славное имя!

Услыхал это олень, сразу смекнул, что глупый тигр, расхрабрился и отвечает:

– Нет у меня фамилии, есть только ничтожное прозвище. И прозываюсь я Почтенным тигром.

Подивился тигр такому прозвищу и говорит:

– Братец Почтенный тигр! Что попусту болтать! Скажи мне лучше, не встречал ли ты где оленя?

– Зачем он тебе?

– Проголодался я. Хочу полакомиться олениной.

– А я – тигриным мясом. Так что сперва скажи мне, не видал ли ты тигра.

– Не видал, не видал!

– А что у тебя под брюхом?

– Чайник для вина.

– Ты его с собой носишь?

– А как же! Вот закушу олениной, а потом вина выпью! А что это у тебя на голове?

– Бамбуковая телега.

– Ты ее с собой таскаешь?

– Ну да! Попадется тигр, его ведь сразу не съешь! Вот я и кладу остатки на телегу – удобно и красиво.

Оторопел тут тигр, чует – душа с телом сейчас расстанутся. И обмочился со страху. Увидел это олень да как закричит:

– Кап-кап пришел!

Тигр услышал и пустился наутек, а олень только этого и ждал, повернулся и побежал прочь.

Сказка про теленка-пестренка¹³

Давным-давно жила в деревне древняя старуха. Одна-одинешенька в целом свете – не было у нее ни сына, ни дочери, только теленок-пестренок. И ходила старуха за теленком словно за внучонком.

Встанет поутру, лепешек масленых напечет. Лепешки теленку на рожки повесит, к заду торбу ему привяжет. И пустит теленка в горы – пусть себе ест лепешки да хворост ломать не забывает. А к вечеру, не успеет солнышко сесть, теленок домой бежит, полную торбу хвороста несет.

Но как-то раз село солнышко за горы, а теленок-пестренок все не идет да не идет. Ждет не дождется его старая, не знает, что и думать. Вот уж небо черным стало, а теленка все нет да нет. Не дожждаться, видно, старухе своего любимца. Взяла она клюку и пошла в горы искать. Вдруг заяц ей повстречался. Спрашивает его старуха:

– Скажи, добрый зайчик, не видал ли ты где моего теленка-пестренка?

– Твоего теленка-пестренка ведьма съела, а ночью придет тебя загрызет.

Испугалась тут старуха, закручинилась. Да делать нечего, заплакала, домой пошла. Села у ворот, слезы льет. Плачет старая, а тоска все сильнее сердце гложет. Услыхали люди, как старуха убивается, того и гляди сами заплачут. Шел мимо братец Шило и спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты что пригорюнилась?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет!

– Не бойся, бабушка! Я ночью прибегу, беду отведу!

Шла мимо сестрица Колючка и спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты что закручинилась?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет!

– Не бойся, бабушка. Я ночью прибегу, беду отведу!

Катилась мимо тетушка Куриное Яичко, подкатилась и спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты что плачешь?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет.

– Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу!

Скакала мимо тетушка Лягушка, прискакала, спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты что так убиваешься?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет!

– Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу!

Шлепал мимо братец Коровий Навоз, спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты что пригорюнилась?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет!

– Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу!

Катился мимо дядюшка Каменный Каток, подкатил и спрашивает:

– Бабушка, а бабушка, ты чего затужила?

– Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет меня загрызет!

– Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу!

А время между тем к ночи близилось, и стали они между собой совет держать. Братец Шило к старухе за пояс спрятался, сестрица Колючка за лампой схоронилась, тетушка Куриное Яичко в печку закатилась, тетушка Лягушка в чан с водой прыгнула, дядюшка Каток над

¹³ Сказка про теленка-пестренка. – Из сб. «Ганьсу миныйзянь гуши сюань» («Избранные сказки провинции Ганьсу»), Ланьчжоу, 1962.

притолокой притаился, а меньшому братцу Коровьему Навозу деваться некуда, так он прямо на землю плюхнулся.

Пришла злая ведьма, в дом ввалилась, говорит:

– Старуха, а старуха, сейчас я тебя съем, да вот с чего начать, не знаю.

Отвечает ей старуха:

– А ты с живота начинай!

Хотела ведьма за живот ухватиться, да не тут-то было! Братец Шило как пырнет ее в бок!

– Ой, у тебя на животе шипы растут!

– Тогда с головы начинай!

– На голове волосы растут.

– А ты их вырви! Только прежде лампу зажги!

Хотела ведьма лампу зажечь, а сестрица Колочка как вопьется ей в руку! Побежала ведьма к печке огня добыть да посветить, а тетушка Куриное Яичко глаза ей залепила. Добралась до чана воды зачерпнуть, а тетушка Лягушка хватъ ее за нос. Испугалась ведьма, хотела убежать, да поскользнулась на Коровьем Навозе. Тут дядюшка Каток подоспел да и придавил злую ведьму. Пусть знает, как чужих телят есть!

Как тигр невесту украл¹⁴

Задумал как-то один человек жениться. Но когда свадебный паланкин с невестой мимо горы несли, вдруг на дорогу тигр выскочил. Носильщики паланкина и вся невестина свита со страху разбежались кто куда. А тигр тем временем залез в паланкин, схватил невесту и унес к себе в пещеру. Берег он ее да ублажал словно дочь родную, а она за его хозяйством присматривала. Каждое утро уходил тигр еду добывать. То петуха принесет, то барана или теленка. Девушка мясо варила и тигра кормила. А тигр, как стал есть вареное, так вскорости человеческому языку выучился.

Но вот однажды какой-то чиновник призвал к себе своих слуг и велел им петушиные яйца найти да воробьиные гребешки раздобыть, словом, то, чего и на свете не бывает. Делать нечего. Не стали слуги медлить, отправились в горы приказ чиновника выполнять. А тигр о ту пору как раз из дому ушел, девушку одну оставил. Услыхала она, что люди пришли, да как закричит: «Спасите!» Пошли люди на голос, подошли к пещере. Видят – девушка там сидит, и давай ее обо всем расспрашивать. А как узнали, что уже давно тигр ее в пещеру принес, уговаривать стали:

– Мы тебя вызволим, только обещай, что будешь нашему господину второй женой.

Девушка согласилась и отвечает:

– Буду я вашему господину второй женой, только уведите меня поскорее отсюда.

– А какой за тебя выкуп дать?

Отвечает девушка:

– Ничего мне не надо. Приготовьте только красный свадебный паланкин и еще корзину красных и зеленых палочек для еды¹⁵.

– Когда велишь прийти за тобой?

– Завтра об эту же пору.

Стала девушка собираться в дорогу. А слуги чиновника воротились домой и обо всем доложили своему господину. На другой день приготовил чиновник все, что девушка просила, и послал людей в горы за невестой. Села девушка в паланкин и приказала бросать палочки для еды по всей дороге, до самого чиновничьего дома. А когда вошла в ворота, тотчас велела тыкву-дунгуа для нее купить, сварить ее на пару, а потом облить холодной водой, чтоб корка еще тверже сделалась¹⁶.

Воротился тигр в пещеру, видит – пропала девушка, сразу смекнул, что это люди ее похитили, и пошел искать ее той самой дорогой, где были разбросаны красные да зеленые палочки. Пришел он прямо в дом чиновника, задрал голову, огляделся, вдруг смотрит – девушка наверху у окна стоит. Увидела она тигра и как закричит:

– Меня люди украли, разинь поскорее пасть, я сейчас в нее прыгну, и ты обратно в пещеру меня унесешь.

Разинул тигр пасть, а девушка возьми да и брось тыкву. Прямехонько в глотку ему угодила. Подавился тигр и сдох, а девушке его шкура да кости достались¹⁷.

¹⁴ Как тигр невесту украл. – Из кн. Чжу Юй-цзунь, Полное собрание волшебных сказок, Шанхай, 1933.

¹⁵ В Китае вместо вилки пользуются двумя деревянными или костяными палочками, которые держат между пальцами правой руки.

¹⁶ В Китае множество сортов тыкв, дунгуа (букв. зимняя тыква) – восковая тыква, отличающаяся большой твердостью.

¹⁷ Кости тигра дорого ценятся, так как используются в китайской медицине.

Волшебные сказки

Птица Чжаогу¹⁸

Жила когда-то на свете злая-презлая старуха. Были у нее сын да дочь-невеста. Женился сын, вскорости после женитьбы за Великую стену в восточные края ушел¹⁹, и начала старуха всячески над невесткой измываться. Только дочку свою лелеяла да любила.

Скажет, бывало, старуха:

– Съешь-ка, доченька, еще белых лепешек, супу отведай, он из мелкого пшена сварен!

А дочка нет-нет да и сунет невестке несколько белых лепешек. Уставится старуха зло на невестку и ворчит:

– Ну и ешь ты, ну и пьешь! Да на тебя лепешек из отрубей и то не напасешься!

Ни еды хорошей, ни одежды не давала свекровь бедной невестке, только била ее да бранила с утра до вечера.

В тот год развела старуха видимо-невидимо шелковичных червей. Посмотришь – глазом всех не окинешь, считать станешь – не сочтешь. Каждый день до свету старуха невестку в горы гонит собирать тутовый лист. Собирает она день, собирает другой, солнце высоко, до вечера далеко, с тутовых деревьев почти все листья оборваны, того и гляди голыми останутся. А шелкопряды все крупнее, все жирнее делаются. В четвертом месяце стали светлеть личинки шелкопрядов. Набросаешь листьев, только и слышно, как они шуршат: ша-ла, ша-ла; оглянуться не успеешь – ни одного листочка нет, все подчистую личинки съели. Еще набросаешь – ша-ла, ша-ла, и опять ни листочка нет.

Собралась невестка в горы за листьями, а свекровь в нее пальцем ткнула да как закричит:

– Невестка в хозяйстве все равно что лошадь. Захочу – верхом на ней ездить буду. Захочу – побую. Попробуй только вернись без тутовых листьев! Плеткой тебя отхлестаю, палку об тебя обломаю, три дня есть не дам, пять дней спать не велю!

Посмотрела зло старуха невестке вслед, обернулась, видит – родная дочь шелкопрядов с земли поднимает. Взяла старуху жалость, ну прямо мочи нет, и говорит она:

– Славная ты моя доченька! Отдохни! Воротится невестка, все сделает. Может, попить тебе хочется? Или поесть? Я супу в котле припасла, на котел белую лепешку положила.

А дочка у старухи, надобно сказать, была писаной красавицей, да и нравом на мать ничуть не похожа, жаль ей жену старшего брата. Услыхала она материны слова, обернулась и говорит:

– Чем же я лучше невестки, чтоб работу ей оставлять?

Услыхала старуха, что дочь ей перечит, замахнулась – да не ударила, рот открыла – да не обругала: жаль ей дочь родную. Махнула с досады рукой и ушла.

А невестка между тем до гор добралась, стала тутовый лист искать. Солнце жаркое, горы крутые, пока с Южной горы вскарабкалась на Восточную, с Восточной на Северную, полдень настал, а в корзине у нее всего-навсего горсточка листьев. Притомилась бедная женщина, села у дороги и плачет.

А старухина дочь подняла шелкопрядов, корму им подбросила, сама все думает: «Как-то там невестушка в горах, нарвала листьев или с пустыми руками воротится? Всегда-то я о ней пекусь, а сегодня сердце так и колотится, так и прыгает, изголодалась она там в горах, бедная!» Подумала так девушка, взяла белую лепешку, которую ей мать припасла, в кастрюлю

¹⁸ Из сб. «Птица чжаогу».

¹⁹ Большинство земель современной Маньчжурии, лежащих к востоку от Великой стены, еще лет сто назад пустовали, туда уходили в поисках удачи безземельные крестьяне.

супу налила, из мелкого пшена сваренного, потихоньку в горы отправилась. Вдруг видит – сидит невестушка у дороги и горько плачет. Схватила она ее за руку и говорит:

– Не плачь, невестушка! Я тебе лепешку принесла, из белой муки испеченную, супу, из мелкого пшена сваренного. Утоли ты свой голод да жажду!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

– Жажда меня замучает – я ключевой воды напьюсь, голод одолеет – горьких трав поем.

Опять спрашивает ее девушка:

– Что ты пригорюнилась, невестушка, не таись от меня, расскажи обо всем, я ведь знаю твое сердце!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

– Я, сестрица, всю Южную гору исходила, всю Северную гору вдоль и поперек прошла, всего несколько тутовых листьев нашла. Только дубовых много попадается. Не знаю, как твоей матери на глаза покажусь!

Причесала девушка невестке волосы, вытерла ей слезы и говорит:

– Не бойся, невестушка, съешь лепешку, супу попей, и пойдем мы с тобой вместе тутовый лист собирать.

Насилу уговорила девушка невестку кусочек лепешки съесть да супу немного выпить. И отправились они вдвоем тутовые листья искать.

Идут, разговор меж собой ведут, то в глубокое ущелье забредут, то на самую вершину горы заберутся. Все горы обошли, все хребты облазили, одни дубы попадаются, тутов совсем не видать. Смотрит невестка – вот-вот солнце за горы спрячется, и говорит сквозь слезы:

– Скоро стемнеет, сестрица. Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут. Воротись-ка ты, милая сестрица, домой поскорее!

А та ей в ответ:

– Скоро стемнеет, невестушка! Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут, давай, милая невестушка, вместе домой воротимся!

Посмотрела невестка на пустую корзинку и говорит:

– Я, сестрица, еще подожду малость. Может, сжалится надо мной горный дух и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

– И я, невестушка, с тобой подожду. Может, надо мной сжалится дух горный и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, прижались тесно друг к дружке, стали с горы спускаться. До горного родника дошли, еще одну гору обошли, все хребты обыскали – нет нигде тутовых листьев, только дубовые попадаются. Смотрит невестка – солнце за горой скрылось, спряталась она за девушкину спину, вытерла слезы и говорит:

– Видишь, сестрица, как небо потемнело, скоро луна взойдет. Слыхала я, будто на этой горе сам Князь гор живет, нос у него красный, глаза зеленые. Добрая сестрица! Ты ведь совсем молоденькая, иди-ка лучше домой поскорее!

Отвечает ей девушка:

– Видишь, невестушка, как небо потемнело, скоро луна взойдет. И я слыхала, что у Князя гор нос красный, а глаза зеленые. Давай вместе домой воротимся!

Поглядела невестка на чистый, прозрачный родник и говорит:

– Подожду-ка я здесь еще малость, может, сжалится надо мной дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

– И я с тобой подожду, может, надо мной сжалится дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, тесно прижались друг к дружке и пошли прочь от родника. До опушки горного леса дошли. Все горы обошли, все хребты обыскали, не видно нигде тутовых деревьев, одни дубы попадаются.

Увидела невестка, что луна взошла, и опять тревога ее одолела. Принялась она девушку уговаривать, чтоб домой воротилась. А та и слушать не хочет. Заплакала невестка. Девушку тоже тревога одолела: луна взошла, а у невестки в корзинке совсем пусто. Тут задул-засвистел южный ветер: у-у. Зазвенела вода в ущелье: дин-дан. Подняла девушка голову и крикнула:

– Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, зашелестели листья на дубах. Выпрямилась девушка и во второй раз крикнула:

– Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, заколыхались, заметались ветви на дубах. И в третий раз крикнула девушка:

– Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, налетел на равнину ураган, небо и землю черной пеленой окутал, шумит все вокруг, гудит. Вдруг ветер стих, луна из-за туч выплыла. А на месте дубов сплошь туты стоят.

Смотрят девушка да невестка на диво дивное, не нарадуются. Руками взмахнули и принялись листья рвать. Листья зеленые, ну прямо изумруд, каждый величиной с ладонь будет. Только начали собирать, а уж корзинка доверху полна. Подняли они ее вдвоем и стали спускаться с горы.

А старуха дома мечется, не знает, куда дочь подевалась. И уж так обрадовалась, когда чадо свое увидела, будто клад бесценный нашла. А невестку увидела – показалось старухе, будто гвоздь ей прямехонько в глаз воткнули. На тутовые листья не глядит, знай ругается, зачем ее дочь с собой в горы увела. И в наказание не велела невестке спать ложиться, велела всю ночь шелковичных червей стеречь.

На другой день невестка опять пошла в горы за листьями, а девушка ей туда лепешку из белой муки отнесла. На горах, на хребтах ни одного дуба не видно, везде туты растут. Вскоро-сти червяки нитку выплевывать стали, начали коконы из нее плести.

И вот однажды, когда невестка со старухиной дочкой дома сидели, коконы разматывали, приплыли с северо-запада черные тучи, а за ними вслед черный вихрь прилетел, одним концом в самое небо уперся, другим – по земле мести стал. Деревья раскачивает, с корнем из земли вырывает, крыши с домов уносит. Девушка и охнуть не успела, как вихрь закружил ее и с собой умчал. Заметалась невестка, даже заплакала. Бросилась вслед черному вихрю, а он ей под ноги деревья да ветки бросает, чтоб всю ее исцарапали, песок да камни кидает, чтоб руки ей изранили. А она все бежит. Упадёт, встанет на ноги, снова бежит. Себя не помнит, вихрь догоняет, кричит:

– Князь гор, отдай мою сестрицу!

Умчался черный вихрь в горы, невестка – за ним. Здесь горемычной туты глаза застили, и не заметила она, куда черный вихрь вдруг исчез. Ищет она на Передней горе, бредет по Западной горе, толстые крепкие подошвы протерла. Ищет день, ищет ночь, колючий терновник платье ей в клочья изорвал. Ищет, ищет, никак не найдет свою сестричку. Даже на след ее напасть не может.

Прошла весна, миновало лето, осень пришла. Каждая травинка в горах знала, что бедная женщина свою сестрицу ищет, и под ноги ей стелилась, чтоб мягче было ходить. Знала про это и каждая яблоня в горах и протягивала бедной женщине свои ветки со спелыми плодами. И все птицы про это знали. И решили они от холодов ее спасти. Выщипали они у себя пух, вырвали перья и бросили их невестке. Закружились пух и перья снежинками, прикрыли бедную женщину.

На другой день подул северный ветер, и обернулась невестка красивой птичкой, на теле у нее пух и перья выросли. Летает она и кричит:

– Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Прошли холода, опять весна наступила. А красивая птичка все летает среди изумрудных тутов и кричит:

– Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Летает птичка над бескрайними полями, летает по синему небу с белыми облаками и кричит:

– Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Сколько месяцев прошло, сколько лет миновало, а она все летает и кричит. Жалко людям птичку, и прозвали они ее Чжаогу – ищу сестру!

Как юноша любимую искал²⁰

В давние времена жили в деревушке две семьи – Чжан и Ли. У Чжанов был сын Чжан Шуань. У Ли – дочь по прозвищу Ли Хуа – Ли Цветок. Пригожими уродились юноша и девушка и прославились в тех краях своей красотой. Дружны они были с малолетства и друг дружке тайком поклялись не разлучаться и прожить вместе до седых волос. Отправил Чжан Шуань сваху в дом Ли Хуа. Но родители девушки отказали юноше из-за его бедности и решили отдать дочь за Вана-богача. Ваны выбрали счастливый день, наняли трубачей и отправились за невестой. Не хотела Ли Хуа садиться в свадебный паланкин, отец с матерью ее силой заставили. Заиграла труба, носильщики подняли паланкин и понесли. Сидит Ли Хуа в паланкине, головой о стенку бьется, плачет. И вот, когда уже полпути прошли, слышит она – засвистело что-то. Это оборотень с неба прыгнул: лицо черное, глаза круглые. Схватил он невесту и умчал с собой.

Услыхал об этом Чжан Шуань, пригорюнился и говорит отцу с матерью:

– Не жить мне без моей Ли Хуа. Пока не разыщу ее, не будет мне покоя.

Говорит юноше отец:

– Унес твою Ли Хуа злой оборотень, где же ты теперь ее искать будешь?

Говорит юноше мать:

– Унес твою Ли Хуа злой оборотень, не найдешь ты ее теперь нигде.

Не послушался Чжан Шуань отца с матерью, ушел из дому свою Ли Хуа искать.

Сколько дней искал, и не счесть, у кого ни спрашивал, где ни выведывал, никто Ли Хуа не видал, нигде про нее не слыхали. «Может, съел мою любимую злой оборотень?» Думал, думал юноша, и печаль его одолела. Сел он у дороги, заплакал. Вдруг откуда ни возьмись белобородый старец. Спрашивает старец юношу:

– Отчего ты плачешь, юноша? Кто тебя обидел?

Отвечает юноша:

– Не стану я от тебя таиться, дедушка. Злой оборотень мою любимую унес. Много дней искал я Ли Хуа, только нет ее нигде.

– Пойдем со мной, – говорит старик, – я знаю, где живет злой оборотень.

Услыхал это Чжан Шуань, быстро на ноги вскочил и пошел за старцем.

Шли они, шли, вдруг повстречали юношу. Спрашивает его старец:

– Кто ты и куда путь держишь, юноша?

Отвечает юноша:

– Зовут меня Ван Лан, хожу я по свету, ищу свою невесту, выкрал ее на полпути из свадебного паланкина злой оборотень и унес неведомо куда.

Закивал головой белобородый старец и говорит:

– Идем с нами. Я знаю, где она.

И пошли они дальше втроем: Ван Лан, Чжан Шуань и белобородый старец. Целый день шли, рисинки в рот не брали. У Чжан Шуаня любимая из головы не идет, не до еды ему, не до питья. А Ван Лана с голоду даже в дрожь кинуло.

И говорит он старцу:

– Поесть бы надо. Подкрепимся и дальше пойдем.

Кивнул старик головой и говорит:

– Оглянись-ка, юноша, назад.

Оглянулся Ван Лан, смотрит – дом большой стоит, крытый черепицей, крыльцо высокое, у крыльца каменный лев²¹.

²⁰ Из сб. «Птица чжаогу».

²¹ Лев – буддийский символ хранителя учения Будды. Впоследствии стилизованные изображения львов ставили перед

И опять говорит старик:

– Давайте войдем. Поесть чего-нибудь спросим.

Подвел старец юношей к крыльцу, в дверь постучался. Вышла на стук старая старуха, спрашивает:

– Что вам надобно? Зачем стучитесь?

Отвечает ей старец:

– Пампушек мы не спросим и мяса нам не надобно. Дай нам чего-нибудь попроще. Проголодались мы в дороге.

Старуха отвечает:

– Ладно, идите за мной.

Вошли они вслед за ней в комнату, видят – сидит на капе красавица, годков восемнадцать ей. А старуха еды всякой настряпала, потчует гостей и так им говорит:

– Хочу я с вами об одном деле потолковать. Да не знаю, столкнемся ли? Муж мой давно умер, живу я вдвоем с доченькой. Вот и хочу в дом зятя принять, чтоб кормил меня на старости лет. Кто из вас двоих, юноши, здесь навсегда останется?

Принялся старец Чжан Шуаня уговаривать. Но тот и слушать не хочет, все про свою любимую думает. Принялся старик Ван Лана уговаривать. А Ван Лан и рад. Приглянулся ему дом под черепицей и молодая красавица.

Остался Ван Лан, а старец с Чжан Шуанем дальше пошли. Немного прошли, чуть побольше версты. Вдруг старик и говорит:

– Обронил я платок на крыльце, возле каменного льва. Воротись-ка да принеси его мне.

Побежал обратно Чжан Шуань, смотрит – дом под черепицей исчез, один лев остался. Сидит лев, Ван Лана на куски рвет, схватит кусок и в пасть отправляет. Испугался Чжан Шуань, прибежал к старику и говорит:

– Беда приключилась, Ван Лана лев сожрал.

А старик идет себе дальше, не останавливается.

– Знаешь, почему лев Ван Лана сожрал? – спрашивает.

– Не знаю, дедушка, – отвечает Чжан Шуань.

А старик ему говорит:

– Подумай. Тогда и узнаешь.

Идут Чжан Шуань со старцем день, идут ночь, и пришли они наконец к каменному дому.

Говорит старец:

– Это и есть мое жилище.

Вошел Чжан Шуань, видит – кровать в доме каменная, и котел каменный, и чашки каменные, и тазы каменные. Все из камня выточено. Велел старец Чжан Шуаню набрать сосновых шишек, еду готовить. Вот уже семь дней прошло. Видит старец, юноша не унывает, надежды не теряет, и спрашивает:

– Хочешь Ли Хуа вызволить?

– Хочу, – отвечает юноша.

– Ступай тогда к западному краю неба, на Огненную гору, добудь из пещеры Огненного тигра меч драгоценный. Дам я тебе платье, которое от огня спасет, надень его и смело иди вперед. Но помни, сделаешь шаг назад – сожрет тебя огонь.

Надел Чжан Шуань белое платье волшебное, так и искрится оно, так и сверкает, и зашагал к западному краю неба. Не счесть, сколько дней он до той горы добирался, как вдруг видит – впереди пламя полыхает, злобно шипят огненные языки, вот-вот небо лизнут. Не испугался юноша, прямо в огонь пошел. Но что за диво! Огонь его не берет. Вот и пещера Огненного тигра на самой вершине горы, сам хозяин ее стережет, глаза у тигра – два храмовых колокола,

из пасти пламя вырывается. Вспомнил тут Чжан Шуань про свою Ли Хуа, еще храбрее стал. Бросился он в пещеру, видит – меч на стене драгоценный висит. Схватил юноша меч, тигра ударил, свалился замертво тигр, и в тот же миг пламя на горе погасло. Взял Чжан Шуань меч, к старцу воротился.

Говорит ему старец:

– А теперь иди вызволять свою Ли Хуа. Унесла ее рыба-оборотень из Восточного моря и поселила на острове. Только знай, если страх тебя одолеет или сомнение, не спасешь свою любимую.

Взял Чжан Шуань драгоценный меч и пошел к восточному краю неба. Не счесть, сколько дней добирался он до Восточного моря. А морю тому изумрудному ни конца нет ни края. Волна на волну набегают, буруны на буруны находят. Поглядел он на все четыре стороны и думает: «Хоть бы лодчонка какая утлая попалась. Не боюсь я ветра буйного, пусть разгуляется по морю, не боюсь я высоких волн, пусть хоть до самого неба вздымаются. Ничего я не испугаюсь! Только бы мне до того острова добраться!»

Идет юноша по берегу, ветер ему песчинками лицо колет, море водой ноги мочит, голод его мучает, холод насквозь пробирает. А юноша идет да идет.

Но вот однажды увидел он, что по морю персиковое деревце плывет. То волной его захлестнет, то снова на поверхность вынесет. Смотрит юноша на деревце, вдруг видит – три персика на нем алеют ярко среди зеленых листочков. Плывет деревце прямо к юноше. Изловчился Чжан Шуань, ухватился за ветки, и так вдруг ему пить захотелось! Сорвал он персик с дерева, хотел его съесть, но тут раздался грозный рык, и откуда ни возьмись тигр выскочил. С перепугу Чжан Шуань в воду плюхнулся. Тигр тем временем исчез, и персиковое дерево тоже куда-то подевалось. Чует юноша – тело его легким стало, ну прямо персиковый листик, и ступил он на воду, будто на твердую землю. Стоит и не тонет. Персик тот, оказывается, волшебным был, мог от воды спасти. Держит Чжан Шуань во рту волшебный персик и прямо к острову идет. Лежит тот остров посреди моря, черной мглой окутанный, буйной травой поросший. Только ступил юноша ногой на остров, а навстречу ему из мглы рыба-оборотень вышла с солдатами-креветками да полководцами-крабами. У всех копья длинные да рогатины стальные. Сама рыба-оборотень черная, на голове шлем серебряный блестит, на теле панцирь из серебра сверкает. Закричала рыба, загудело в ответ ей море, окружили юношу креветки-воины да полководцы-крабы. Не испугался юноша, не стал назад пятиться. Поднял он свой меч драгоценный, повернулся к востоку – да как взмахнет, повернулся к западу – да как ударит! Побежала от меча белая дорожка огненная. В тот же миг мгла рассеялась, а воины да полководцы креветками да крабами обернулись, стали в разные стороны расползаться.

Рыба-оборотень как взглянула на сверкающий меч – глаза зажмурилась. Тут юноша ее и зарубил. Потом нашел он свою любимую, и стали они мужем и женой.

Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е²²

Давным-давно жили два брата по фамилии Ван, отец с матерью у них умерли, жен еще не было. Собирали братья в горах хворост, тем и кормились.

Звали старшего брата У-гэн²³. Говорили люди про таких, как он: «Есть – здоровый, работать – хворый». И еще говорили: «Язык – сладкий мед, сердце – горький чеснок». Ленив был У-гэн без меры, и без меры хитер. Потому-то и прозвали его У-гэнь²⁴.

Младшего брата звали Ши-е²⁵. Был он на редкость трудолюбивый, честный и правдивый юноша, всегда делал людям добро и никогда не забывал о долге. Никто на несколько десятков ли вокруг не мог сказать про него худого слова. И прозвали юношу Ши-и²⁶.

Соберет, бывало, Ши-и хворост и идет в город продавать его в дом богача Чжана. Отдаст хворост, сядет на заднем дворе на каменную скамейку и ждет, когда ему деньги вынесут. Сидит он однажды так на скамеечке, вдруг видит – окошко напротив, затянутое легким шелком, приоткрылось, из окошка девушка выглянула, годков ей восемнадцать от роду. Смотрит красавица на юношу, а глаза у нее большие, чистые, словно вода в роднике.

Так и звали ее Мин-чжу – Чистая жемчужина. Была она дочерью богача Чжана. Девушка хоть и росла в довольстве, безделья не любила и всегда трудилась. Давно заприметила она юношу и сегодня нарочно окно открыла, чтоб и он ее заприметил.

Ши-и никогда не видел таких красавиц и влюбился с одного взгляда. Вот бы взять ее в жены, думает, только пустые это мечты. Она – дочь богача, а я – дровосек.

Взял юноша свои деньги и печальный домой воротился.

Через несколько дней опять понес Ши-и хворост в дом Чжана. Сел, как всегда, на скамейку, долго дождался. Вдруг видит – окошко напротив, как и в тот раз, отворилось, выглянула из него красавица, улыбнулась, розовый платок юноше бросила²⁷. Обернулся юноша, платок за пазуху спрятал, улыбнулся девушке и веселый побежал домой.

С той поры как только придет Ши-и к богачу Чжану, красавица тотчас окошко открывает. Переглядываются юноша с девушкой, а когда никого поблизости нет, словечком-другим перекинутся. Шли дни за днями. Крепко полюбили друг друга девушка и юноша и уговорились, что Ши-и будет приходить с хворостом каждые три дня, пока не выпадет ему случай увидеться с Мин-чжу.

И вот однажды, как раз, когда юноше надо было идти в город, он долго трудился в горах, устал и прилег отдохнуть под большой зеленой сосной. Вытащил он из-за пазухи платок, взглянул на него, и так сладко стало у него на сердце, будто сама Мин-чжу перед ним явилась. Размечтался юноша и не заметил, как прошло время свидания.

А Мин-чжу ждала, ждала юношу, и тревога ее одолела, открыла она окно и стала во двор смотреть.

Вдруг вихрем налетел ветер, засыпал людям глаза песком да пылью. Вслед за вихрем примчался Черный орел, схватил своими железными когтями Мин-чжу и умчался.

Долетел орел до гор, притомился и на сосну опустился. А как раз под той сосной Ши-и спал. Слышит он сквозь сон, будто плачет кто-то. Подивился, голову поднял. Смотрит – на

²² Сказка про хитрого У-гэна и верного Ши-е. – Из сб. «Чжэнь-тяньгу» («Барабан, сотрясающий небо»), сост. Гэ Чэнь, Нанкин, 1955.

²³ У-гэн – «пять ночных страж».

²⁴ У-гэнь – «без корня», то есть без предела, без меры.

²⁵ Ши-е – «десять ночей». В Китае принято давать братьям имена либо с одинаковым слогом, либо близкие по смыслу.

²⁶ Ши-и – правдивый, верный.

²⁷ В старину девушки из богатых домов обычно выбирали себе жениха, бросая с башни приглянувшемуся юноше расшитый платок.

ветвях черное чудище сидит в целый чжан длиной, птица не птица, не поймешь, а в когтях у чудища – девушка в красной одежде. Рассердился Ши-и, схватил коромысло, подпрыгнул и как стукнет орла – крыло и лапу ему перебил.

Взревел орел страшным голосом, еще крепче стиснул когтями девушку, захлопал перебитым крылом и прочь улетел. Бросился Ши-и его догонять.

Долго бежал юноша, а орел подлетел к пещере на вершине крутой горы, клювом отодвинул огромный камень – из-за высокой травы его и не видать, – вместе с девушкой скрылся в пещере, а вход камнем завалил.

Подбежал Ши-и к пещере, хотел камень поднять, где там – его и с места не сдвинешь.

А солнце вот-вот за гору спрячется. Воротился юноша к сосне, взял вязанки с хворостом и пошел домой. Надо старшего брата позвать, думает, вдвоем, может, мы одолеем камень и вызволим девушку.

Вернулся Ши-и домой, а У-гэнь ему и говорит:

– Слышал я сегодня в городе, когда ходил за покупками, что дочь богача Чжана орел унес. Никто не знает, где она. По всему городу висят объявления: «Кто укажет, где барышня Мин-чжу, тому пожалуй в награду двести лян²⁸ серебра. А кто ее спасет и приведет домой, тому отдам ее в жены и дам двадцать тысяч лян золотом в придачу». Эх, жаль не знаю я, где барышня.

Понял тут Ши-и, что девушка, которую унес орел, и есть Мин-чжу, рассказал брату обо всем, что с ним приключилось, и попросил помочь ему спасти любимую. Обрадовался У-гэнь, закивал головой и говорит:

– Хай! Поздравляю тебя, брат! Повезло нам на этот раз, богатство и счастье придут к нам в дом. Надо тотчас же пойти в город и обо всем рассказать ее отцу.

Отвечает брату Ши-и:

– Не нужны мне ни золото, ни серебро, зачем я пойду в город? Давай лучше подумаем, как спасти Мин-чжу.

Тут У-гэнь заговорил совсем по-другому:

– Пусть не надобно тебе золото, все равно надо успокоить бедных родителей, сказать, где их дочь. Не хочешь – я сам пойду.

Сказал так У-гэнь и зажег фонарь.

Поспешил он в дом богача рассказать все, что узнал о его дочери.

У-гэня знали в доме Чжана, он тоже изредка приносил туда хворост. Сел У-гэнь на лавку и давай врать: увидел, дескать, он птицу, погнался за ней, но не догнал. Где пещера орла, не сказал, зато пообещал через несколько дней привести барышню домой.

Воротился У-гэнь из города на следующее утро. Взяли братья большую корзину из ивовых прутьев, веревку, бревно и отправились в горы. Добрались до вершины, подошли к пещере и как навалятся оба на камень! Одолели камень, с места сдвинули. Укрепили у входа в пещеру бревно, привязали к нему корзину. Сунул Ши-и за пояс топор, сел в корзину, и У-гэнь стал потихоньку опускать его вниз, пока не опустил на самое дно пещеры. Вылез Ши-и из корзины, топор крепко держит в руке, стал ощупью в темноте пробираться. Шел, шел, вдруг видит – впереди посветлело, и дорога показалась, щебнем мощеная. Лежат по обеим сторонам той дороги груды костей. Посмотрел на это Ши-и, и взяла его злость: «Сколько жизней стубила птица проклятая. Не успокоюсь, пока ее не изничтожу!» Идет он дальше, смотрит – лес перед ним темный, мрачный, в лесу – черный дом, тихо вокруг, как в могиле, ни звука не слышать. Схоронился Ши-и за высоким деревом, огляделся. Видит – изгородь, около изгороди – камень, на камне – девушка сидит, плачет. Подняла девушка голову. Пригляделся Ши-и – да ведь это Мин-чжу! Обрадовался юноша, вышел из-за дерева и позвал тихонько:

²⁸ Лян – мера веса, равная 31,25 грамма; в старом Китае – денежная единица.

– Мин-чжу!

Увидела девушка Ши-и, кинулась к нему, плачет.

– Как ты пробрался сюда? – спрашивает.

Ши-и быстро рассказал ей все как было. Потом про орла спросил.

– Кто-то перебил вчера орлу крыло да лапу. Лежит он теперь и стонет. Ночью вставал, зелье какое-то пил. «Погоди, говорит, выздоровлю – поженимся мы с тобой». Съест он меня, коли противиться стану. А людям будет мстить за это. На сто пятьдесят ли вокруг сожрет всех собак да кур...

Не успела девушка все до конца рассказать, стал юноша ей шептать на ухо:

– Это я орла изувечил. Он еще мстить грозится! Да я убью чудовище, чтоб не вредило больше людям. Придумал я, как это сделать, только ты должна мне помочь.

Мин-чжу кивнула головой и скрылась в доме. Взял Ши-и топор, подошел к окну, смотрит – лежит на кровати парень, лицо черное, вместо рта клюв острый. Нога перевязана, сам громко стонет. Смекнул тут Ши-и, что это и есть проклятый орел, заскрежетал зубами от злости и еще крепче сжал в руках топор.

Мин-чжу между тем подошла к орлу и говорит ему тихонько:

– Ляг на спину, я тебя зельем напою. А выздоровеешь – мы с тобой поженимся.

Обрадовался орел.

– Ладно, – говорит, – сейчас повернусь.

Лег он на спину. А Ши-и тем временем пробрался в дом, подкрался к орлу, занес топор, размахнулся и как ударит! Убил поганую тварь.

Стали они с Мин-чжу выбираться из пещеры. Подошли к выходу. Корзина, веревка – все на месте. Посадил юноша Мин-чжу в корзину, подал знак У-гэню. Тот стал тянуть веревку и вытащил корзину наверх. Приглянулась У-гэню красавица, и замыслил он недоброе. Избавлюсь, думает, от Ши-и, а девушку себе в жены возьму.

Опустил У-гэнь корзину вниз, подождал, пока Ши-и подаст ему знак, и потянул веревку. Больше чем наполовину корзину вытащил, потом отпустил нарочно веревку и как закричит:

– Ай-я! Веревка оборвалась, сбегаю-ка я домой, другую принесу.

Спускается с горы и Мин-чжу за собой ведет. Дошли они до середины горы, старший брат и говорит Мин-чжу:

– Ай-я! Потерял я у пещеры одну вещь, посиди здесь, я сбегаю и мигом ворочусь.

Прибежал У-гэнь к пещере, стал заваливать выход камнями.

Думал он, что брат разбился. А Ши-и жив остался. Вылез он из корзины, огляделся: яма глубокая, края отвесные. Стал он думать, как из ямы той выбраться. Вдруг сверху камни с грохотом посыпались. Понял тогда Ши-и, что старший брат недоброе против него замыслил. Теперь и думать нечего про то, чтобы наверх выбраться. И пошел Ши-и в глубь пещеры.

Бродит Ши-и по пещере, выход из нее ищет. Но перед ним только стены каменные. Вдруг слышит – кричит кто-то:

– Братец Ши-и! Спаси меня!

Подошел ближе, видит – огромный карп, больше трех чи²⁹ длиной, тремя гвоздями к стене прибит.

Спрашивает Ши-и:

– Кто тебя гвоздями к стене прибил?

– Орел прибил. Я третий сын царя драконов Восточного моря³⁰. Резвился я как-то в воде, а орел схватил меня, унес и прибил гвоздями к стене. Он бы съел меня, да кто-то поранил ему ногу, когда он девушку одну похитил. Спаси же меня, юноша!

²⁹ Китайская единица измерения длины, ≈ 32 см.

³⁰ Восточным морем китайцы называли Восточно-Китайское море. В древности китайцы считали, что их страна окружена

Пожалел Ши-и карпа, осторожно вытащил гвозди из его тела и вызволил беднягу. Карп трижды перекувыркнулся, пригожим юношей обернулся. Стал юноша благодарить Ши-и.

Говорит Ши-и:

– Не благодари меня. Скажи лучше, как мне выбраться из пещеры? Ты ведь сын царя драконов и должен это знать.

– Выбраться отсюда совсем нетрудно! Закрой глаза и ложись мне на спину.

Ши-и так и сделал. Загудел, засвистел в ушах у юноши ветер: у-у-у. Не успел он опомниться, как вдруг слышит:

– Вэй! Открой глаза!

Открыл юноша глаза, видит – перед ним ровная дорога расстилается. По обеим сторонам дороги зеленая трава да яркие цветы. В изумрудном лесу дом золотом блестит. Никогда еще не видел юноша такой красоты и спрашивает:

– Куда это мы зашли?

Засмеялся царевич и говорит:

– Пещера орла теперь далеко-далеко осталась. А это дворец царя драконов. Будь же моим гостем, брат, зайди хоть ненадолго!

– Не могу я, – отвечает Ши-и, – надобно мне узнать, что случилось с девушкой, которую я спас. Прошу тебя, братец, отнеси меня скорее домой!

Отвечает сын царя драконов:

– Ты мой гость и должен сперва осмотреть дворец.

«Когда еще выпадет мне случай побывать во дворце царя драконов? – думает Ши-и. – Мин-чжу я вызволил, могу погулять здесь немного». Подумал так Ши-и и вслед за юношей вошел во дворец.

Пришли они в зал, в том зале камни драгоценные сверкают – не счесть их. Посреди зала старец сидит, усы и борода белые-белые. Возле старца – красавица. И ведут они меж собой разговор.

Говорит юноша:

– Вот мой отец, а вот младшая сестра.

Поднялись царь драконов и царевна навстречу гостю. Юноша поведал им о том, как Ши-и спас его от гибели, и повелел царь слугам принести драгоценности Ши-и одарить.

Говорит Ши-и:

– Ничего мне не надо – ни золота, ни серебра. Не ради награды спас я вашего сына.

Услыхал его слова царь драконов и думает: «Славный юноша этот Ши-и, отдам-ка я за него свою дочь».

Говорит царь драконов:

– Издавна известно: что желтое у царя драконов – то золото, что белое – то серебро; что круглое – то жемчуг, что блестящее – то драгоценные камни; а кораллы да агаты хоть ведрами черпай. Одежды разной – не переносить, еды – не съесть, хоромы – просторные да богатые. Хочешь, сделаю тебя своим зятем? Будешь весь век счастливым.

Царь драконов и впрямь был богат, а царевна красоты такой, что Мин-чжу с ней и не сравнится. Но Ши-и даже думать не стал и говорит царю драконов:

– Спасибо вам на добром слове, только есть уже у меня жена. Очень вас прошу доставить меня поскорее домой. Век буду вам за это благодарен.

Вздыхнул тут царь драконов и отвечает:

– Раз есть у тебя жена, ничего не поделаешь.

Повелел он сыну взять тыкву-горлянку³¹ и проводить гостя. Закрыв Ши-и глаза, лег на спину царскому сыну. Загудел, засвистел в ушах у юноши ветер, не успел он опомниться, как очутился на берегу моря.

Вынул царский сын тыкву-горлянку, тряхнул ее несколько раз и прошептал:

– Тыква-горлянка, тыква-горлянка! Обернись резвым красным конем!

И правда, выскочил тут из тыквы-горлянки резвый конь. Сел на него Ши-и, распрошался с царевичем и поскакал домой.

Вмиг домчал конь Ши-и до деревни. Слез Ши-и с коня, оглянуться не успел, а коня и след простыл.

Слышал я после от людей, что не рад был У-гэнь, когда Мин-чжу к себе домой привел. Не успели прийти, а девушка уже торопит скорее в горы возвращаться – спасти Ши-и. Не пошел старший брат спасать младшего. А вскорости стал уговаривать Мин-чжу замуж за него пойти. Не согласилась Мин-чжу, а У-гэнь ей говорит:

– Напрасно ждешь. Нет Ши-и давно в живых. Он или убится, или с голоду умер.

Услыхала это Мин-чжу, и тяжесть камнем легла ей на сердце. Поняла девушка, что У-гэня корысть обуяла, и решила заманить его в город, уж там она придумает, как выволить из беды Ши-и.

Говорит девушка У-гэню:

– Я согласна стать твоей женой, только сперва заручись согласием моего отца, пусть украсит дом разноцветными фонариками да флажками, да свадьба чтоб пышная была. Одна я у отца с матерью, нет у меня ни братьев, ни сестер, все богатство тебе достанется. А не пойдешь к отцу, я лучше с собой покончу, а женой твоей не стану!

Как услышал У-гэнь про богатство, так сразу в город заторопился.

На другое утро отправились У-гэнь с Мин-чжу в путь-дорогу. Не думали они, не гадали, что Ши-и вдруг повстречается им. Увидел У-гэнь брата – не знает, куда от стыда деваться, и давай улепетывать словно заяц.

Слышал я от людей, будто лентяй да бездельник У-гэнь ходил из деревни в деревню, милостыню просил, вскорости умер с голоду.

А Ши-и с Мин-чжу весь век жили счастливо. Они не помышляли о богатстве, не пошли в дом Чжана, а вернулись в деревню, вместе трудились и в радости проводили свои дни.

³¹ Тыква-горлянка – хулу – вьющееся растение с плодами, напоминающими небольшие бутылочки, суженные посредине. Эта тыква завезена в Китай из Персии в начале нашей эры (само слово хулу происходит от того же корня, что и русское «огурец»). Высушенные плоды хулу использовались обычно для хранения лекарств и разных снадобий, их носили с собой бродячие даосские монахи, бравшиеся изгонять нечистую силу. В сказках хулу – постоянный волшебный предмет: это и ключ к горе с сокровищами («Откройте, ворота каменные!»), и волшебный конь, как в данной сказке, и своеобразный вариант русской скатерти-самобранки.

Жених-змея³²

Жили на свете старик со старухой, и было у них семеро дочерей. У шестерых волосы длинные, красивые, а у седьмой – плешь. Вот старуха и говорит старику:

– У змея золотые цветы цветут, возьми-ка топор да пойдй сруби их. Старшей дочке да второй дашь по золотому цветку, а мне принесешь простой белый.

Взял муж топор, положил его на плечо, идет и поет:

– Дун-дун-дун-дун-дун – старшей дочке дам золотой цветок, дун-дун-дун-дун-дун – второй дочке дам золотой цветок...

Стал он рубить белый цветок да уронил свой топор Золотое лезвие в нору к змею.

– Змей, змей, отдай мне топор Золотое лезвие!

– погоди, сейчас встану.

– Змей, змей, отдай мне топор Золотое лезвие!

– погоди, носки надену.

– Змей, змей, отдай мне топор Золотое лезвие!

– погоди, огонь разожгу.

Рассердился тут старик да как крикнет:

– Эй, змей, живо подай мне мой топор Золотое лезвие!

– А что ты мне дашь за него?

– Хорошую кошку мышей ловить.

– Есть у меня кошка!

– Тогда собаку ворота сторожить.

– Есть у меня собака!

– Тогда курицу, чтоб яйца несла.

– Есть у меня курица!

– Тогда свинью с поросятами!

– Есть у меня свинья с поросятами!

– Отдам тебе хорошую девушку в жены!

– Веди ее скорее сюда! Приведешь – получишь свой топор Золотое лезвие.

Воротился отец домой, сел на старый жернов. Пришла старшая дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан³³ садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я вам по золотому цветку добыть да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею.

А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он.

Пришла вторая дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я вам по золотому цветку добыть да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею.

А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он!

Пришла жена-старуха, говорит:

– Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

³² Жених-змея. – Из кн. «Чжунго миньцзянь гуши сюань» («Избранные народные сказки Китая»), сост. Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин, т. 1, Пекин, 1958.

³³ Кан – обогреваемая лежанка, непременная принадлежность крестьянского дома в Северном и Центральном Китае.

– Что проку тебе рассказывать? Ты ведь тоже не пойдешь замуж за змея! Рубил я белый цветок и уронил топор в нору к змею. А змей взамен топора одну из наших дочек в жены требует.

Подошла третья дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я вам по золотому цветку добыть да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею. А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он.

Подошла четвертая дочка, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я вам по золотому цветку добыть да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею. А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он!

Подошла пятая дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я добыть вам по золотому цветку да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею. А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он!

Подошла шестая дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Хотел я добыть вам по золотому цветку да уронил топор Золотое лезвие в нору к змею. А змей взамен топора одну из вас в жены требует. Пойдешь замуж за змея?

– Не пойду, вонючий он!

Подошла седьмая дочь, говорит:

– Отец, а отец! Каждый день ты, как придешь, на теплый кан садишься. А сегодня пришел, на холодный жернов сел. Не таись, расскажи, что с тобой приключилось?

– Что проку рассказывать? Змею жена нужна красивая, а не плешивая. Даже и не знаю, возьмет он тебя или не возьмет?

– А я согласна замуж за змея пойти!

– Согласна, так и иди!

– Только походи попроси сперва у змея большой гребень!

Пошел отец к змею:

– Змей, а змей, моя седьмая дочка согласна замуж за тебя пойти, только просит, чтобы сперва ты ей большой гребень дал.

Дал змей большой гребень. Взял его старик, воротился домой.

Встала седьмая дочка в воротах, чешет волосы да приговаривает:

Первый раз расчешу – до большой дороги дотяну.

Второй раз расчешу – до змеиной норы дотяну.

Третий раз расчешу – до зеленого кана достану!

Вмиг расчесала девушка волосы и отправилась в путь.

Вол румяна везет, конь – пудру.

Верблюд десять кусков парчи тащит.

Воробьи веревку с красным концом³⁴.
Ласточки – бутылки с разноцветным вином несут.
Золотистый баран – таз для умывания.

Привел старик дочку к змею, и отдал ему змей топор Золотое лезвие.
Вошла девушка к змею в нору и стала его женой.

Говорит однажды вторая дочь:

– Матушка, дозвожь мне проведать меньшую сестру!
– Сходи проведай!

Пошла девушка. Идет, вдруг пастуха встречает.

– Скажи пастух, где моя меньшая сестра живет?

– А кто она, твоя меньшая сестра?

– Змеева жена.

– Перейдешь гору – пойдешь по склону. Разгребешь кучу навоза с дом высотой. Там и будет нора змея.

Принялась девушка ругать пастуха.

– И не стыдно тебе врать! Кто станет жить в навозной куче?

Пошла девушка дальше.

Вдруг свинопас ей навстречу попался.

– Скажи, свинопас, где моя меньшая сестра живет?

– А кто она, твоя меньшая сестра?

– Змеева жена.

– Перейдешь гору – пойдешь по склону. Разгребешь кучу навоза с дом высотой, там и будет нора змея.

– Дурень ты, дурень, кто это станет жить в куче навоза?

Сказала так девушка и пошла дальше.

Перешла гору, пошла по склону, разгребла кучу навоза с дом высотой, смотрит – и впрямь нора. Стала девушка звать:

– Сестренка, а сестренка!

– Это старшая сестра пожаловала?

– Вот и не угадала.

– Это вторая сестра пожаловала?

– А теперь угадала!

– Заходи в дом!

Зашла вторая сестра в дом, а младшая давай ее потчевать. Наелась вторая сестра, тогда младшая ей и говорит:

– Схоронись скорее. Вот-вот змей воротится.

Только она схоронилась, змей входит.

– Чем это тут пахнет, а?

– Я лицо мыла.

– Когда моешь лицо, мытым лицом и пахнет.

– Я волосы чесала.

– Когда волосы чешешь, чесаными волосами и пахнет.

– Я платье другое надела!

– Говори правду, не то побью!

– Вторая сестра пришла меня проведать!

³⁴ По китайским народным поверьям, божество бракосочетания – Лунный старец – соединяет вступающих в брак красным шнуром.

– Где же она?

– Я ее под большим чаном спрятала, чтобы ты не убил.

– Вот глупая! Пойдем чан поднимем. Я хоть погляжу на нее!

Подняли они чан, вторая сестра вылезла из-под него и осталась у них жить. Ушел как-то змей из дома, а вторая сестра и говорит младшей:

– Дай-ка мне надеть твои носки, сестрица, посмотрим, похожи мы друг на дружку?

– Как же нам не быть похожими, раз одна мать нас родила?

– Дай-ка мне надеть твои штаны, сестрица, посмотрим, похожи мы друг на дружку?

– Как же нам не быть похожими, раз одна мать нас родила?

– Дай-ка мне поносить твои сережки, сестрица, пойдем к реке, поглядим, похожи мы друг на дружку?

– Как же нам не быть похожими, раз одна мать нас родила?

Пошли они на реку. Вторая сестра столкнула меньшую в воду, а сама назад воротилась.

Пришел змей домой, спрашивает:

– Куда же твоя вторая сестра подевалась?

– Домой воротилась.

– Отчего не пожила еще денек-другой?

– Дел у нее невпроворот!

– Что это у тебя лицо вдруг рябым стало?

– Лучше не спрашивай. Пошли мы играть на гороховое поле, сестра побежала, я – за ней вдогонку, упала прямо на горох – вот и остались на лице следы. До сих пор больно.

– А что это у тебя вдруг ноги такими большими сделались?

– По дороге бежала, туфли потеряла, стали ноги расти и большими сделались...

Пошел змей рано утром на реку коня поить, а на берегу зеленый попугай с красным клювом сидит. Увидел он змея и давай его ругать, да так складно:

– Бесстыжий змей, бесстыжий змей, не лезь к свояченице за пазуху.

Ничего не ответил змей, домой воротился.

На другой день опять пошел змей коня поить, а попугай давай снова его ругать:

– Бесстыжий змей, бесстыжий змей, не лезь к свояченице за пазуху.

Привел змей коня домой и говорит:

– Ну и посмеялся я сейчас вволю. Сидит на берегу реки зеленый попугай с красным клювом и кричит: «Бесстыжий змей, бесстыжий змей, не лезь к свояченице за пазуху!»

– Поганая тварь! Ну и пусть себе кричит!

На третий день снова пошел змей коня поить, а попугай опять его ругает.

Думает змей: «Может, это моя жена попугаем обернулась», – и говорит:

Острый язык, вредный язык,

Не моя ты жена – живо сядь на коня,

Моя ты жена – влезь ко мне в рукав.

Поднял он руку, и попугай прямехонько к нему в рукав залетел.

Принес змей попугая домой и говорит:

– Хорошенько корми этого попугая, береги, чтоб кошка не сожрала.

Ушел змей. Стала вторая сестра волосы чесать да лицо мыть. А попугай опять за свое:

Не гляди в мое зеркало, подлая!

Не разглядывай собачью морду, уродина!

Не трогай мой гребень, бесстыжая!

Не чеши собачью голову, тварь поганая!

Вторая сестра от злости губы кусает. На другой день собрался змей уходить, а она ему и говорит:

– Принеси-ка мне воды, да побольше!

Принес ей змей полнехонький чан. Стала она волосы чесать да лицо мыть, а попугай опять кричит:

Не гляди в мое зеркало, подлая!
Не разглядывай собачью морду, уродина!
Не трогай мой гребень, бесстыжая!
Не чеши свою собачью голову, тварь поганая!

Подскочила тут вторая сестра, схватила попугая и утопила в чане. А потом говорит:

– Посмотрим, как ты теперь ругаться будешь.

Воротился змей домой и спрашивает:

– Что-то не слышно моего попугая, куда это он запропастился.

– Говорила я тебе, не таскай столько воды, а ты полнехонький чан налил, упал попугай в воду и захлебнулся.

Ничего не сказал змей, только заплакал горько.

Стала вторая сестра из попугая суп варить. Сварила, змею кости дала, а себе мяса положила. Не ест змей, а вторая сестра отведала, не заметила косточку и подавилась. Рассердилась она, взяла мясо, за дверь выбросила, после яму вырыла и закопала попугаево мясо. Не прошло и дня, как на том месте финиковое дерево выросло. Плоды кислые-прекислые. Вышла вторая сестра из дому, зацепилась за дерево, порвала носки и штаны. Хотела домой воротиться, а с дерева рой осиный поднялся и давай ее жалить.

Вышел муж из дому, смотрит – вместо рваных носков на нем новые, а на шапке золотой шарик появился. Пошел он обратно, смотрит – новые носки в атласные превратились, а на шапке серебряный шарик появился.

Рассердилась вторая сестра, срубила дерево, сделала из него скамейку и говорит змею:

– Ну-ка, сядь посиди.

Сел змей, удобно ему и покойно, села вторая сестра, а из скамейки колючка вылезла да так уколола, что хоть кричи. Изрубила вторая сестра со злости скамейку и в печь бросила.

В полночь слышит змей – стучит что-то, вроде бы ткацкий станок. Посмотрел он, а это седьмая сестрица шелк ткёт. Ткет, а сама чуть не плачет. Обнял ее змей, а она и говорит ему:

– Змей, змей, не обнимай меня, у меня еще кости не выросли. Возьми снегу – сделай мне из него платье, возьми цветок дикой сливы – сделай мне из него лицо, возьми ветки – сделай мне из них кости. И стану я такой, как была прежде.

Так и сделал змей. Стала меньшая дочь еще краше. А злодейку вторую сестру змей выгнал, и стали они с женой снова счастливо жить.

Мимоза³⁵

Не знаю, в каком краю, не ведаю, в какие времена приключилась эта история. Да и не все ли равно? Может, далеко – там, где небо с землей сходятся. А может, близко – рукой подать. Жил некогда на свете юноша. Пригожий да статный. Каждый день ходил на реку рыбу ловить. И всякий раз старика там встречал. Сидит старик на берегу и тихо так приговаривает:

– Ловись, ловись, ловись! Ловись, ловись, ловись! Уходи, малая рыбка, приходи, большая!

Стал за ним юноша следить тайком да подсматривать. Рыбы, что побольше, все к старику плывут. Не стерпел как-то юноша и говорит:

– Добрый дедушка! Научи меня рыбу ловить, как ты ловишь!

Поднял старик голову и отвечает:

– Не стану я тебя учить рыбу ловить. Парень ты, вижу, честный, иди лучше вдоль речки по берегу, ждет тебя удача.

Сказал так старик, тряхнул леской, только волны по воде забегали, а сам исчез.

Подивился парень и думает: «Не иначе как старик этот – бессмертный шэньсянь³⁶. Послушаюсь-ка я его, пойду по берегу, может, и вправду удача меня там ждет». И пошел юноша по берегу. С полудня шел до вечера. Уже солнышко закатилось, звезды на небе загорелись, луна засияла. Вдруг видит юноша – заводь перед ним появилась большая, вся лотосами поросшая. И луна будто ярче стала. А может, не луна это, а лотосы так сверкают. Залюбовался юноша, загляделся, как вдруг видит – листья лотосов легонько зашевелились, цветы заколыхались. Сделал юноша шаг, да, видно, на зеленый лишайник наступил, поскользнулся и упал. А как поднялся на ноги и вокруг огляделся, места этого не признал. Звезды с неба на землю спустились, рассыпали свои огоньки по изумрудным тутам. Маленький домик в роще стоит, дверь приоткрыта чуть-чуть, в щель видно, как девица при лампе шелк ткет. На девице длинная юбка надета, будто темно-зеленый лотосовый лист в пламени лампы светится. В волосы, черные как воронье крыло, воткнул свежий бутон лотоса. Подошел юноша к домику и спрашивает:

³⁵ Мимоза. – Из сб. «Птица чжаогу».

³⁶ Шэньсянь, букв. «божественный святой» – человек, отведавший снадобья, дарующего бессмертие. Постоянный образ китайской волшебной сказки, заимствованный из даосской мифологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.